

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

Неразрезанные страницы

С небес на землю

Татьяна Устинова

Неразрезанные страницы

«ЭКСМО»

2011

Устинова Т. В.

Неразрезанные страницы / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2011 — (С небес на землю)

ISBN 978-5-699-51411-3

Алекс Шан-Гирей, писатель первой величины, решает, что должен снова вернуть себя и обрести свободу. И потому расстается с Маней Поливановой – женщиной всей своей жизни, а по совместительству автором популярных детективов. В его жизни никто не вправе занимать столько места. Он – Алекс Шан-Гирей – не выносит несвободы. А Маня Поливанова совершенно не выносит вранья и человеческих мучений. И если уж Алекс почему-то решил «освободиться» – пожалуйста! Ей нужно спасать Владимира Берегового – главу IT-отдела издательства «Алфавит» – который попадает в почти мистическую историю с исчезнувшим трупом. Труп испаряется из дома телезвезды Сергея Балашова, а оказывается уже в багажнике машины Берегового. Только это труп другого человека. Да и тот злосчастный дом, как выяснилось, вовсе не Балашова... Теперь Алекс должен действовать безошибочно и очень быстро: Владимира обвиняют в убийстве, а Мане – его Мане – угрожает опасность, и он просто обязан во всем разобраться. Но как вновь обрести самого себя, а главное, понять: что же такое свобода и на что ты готов ради нее...

ISBN 978-5-699-51411-3

© Устинова Т. В., 2011

© Эксмо, 2011

Татьяна Устинова

Неразрезанные страницы

Глядя на эту мрачную картину, Муми-тролль думал о том, как, должно быть, боялась Земля этого приближающегося к ней огненного шара. Он думал о том, как сильно любил все это: лес и море, дождь и ветер, солнце, траву и мох. О том, что жить без всего этого было бы невозможно.

Но потом он вспомнил о маме и решил, что она знает, как всё это спасти.

Туве Янссон. «Комета прилетает»

– Але! – глупо сказал он, как будто в телефон, и помолчал, прислушиваясь. – Але, есть кто живой?..

Дом ничего не ответил, только где-то вдалеке сильно стукнуло, словно с размаху открылась оконная рама.

Тишина, до этой секунды вполне мирная, вдруг стала угрожающей.

– Але! Извините, пожалуйста, у вас не заперто!

Оглядываясь через плечо на приоткрытую дверь, Владимир Береговой двинулся по темному коридору на свет.

Странное дело. В комнате тоже никого не было, а окно действительно оказалось распахнутым. Из него тянуло холодом и запахом талого снега, и слышно было, как с крыши капает – бодро, по-весеннему!..

И никого. Владимир подошел и прикрыл створку.

...И что теперь делать? Вот друг Столетов втравил в авантюру, спасибо ему!

А домишко ничего себе! Справный такой домишко. Береговой вытащил из заднего кармана джинсов телефон, нажал кнопку и огляделся. Стены как пить дать из карельской березы, а может, напротив, из сибирской лиственницы, он не слишком разбирается в породах дерева, но – здорово красиво!..

Телефон прогудел ему в ухо. Би-ип. Би-ип.

И еще рога! Раз, два, три – он повертел головой, – четыре пары, о как!.. Должно быть, хозяин уважает рогатых и сохатых, едва завидев, сразу всаживает в них заряд с дробью, заваливает, а рога откручивает и присобачивает на стены.

Би-ип. Би-ип.

В камине пылал веселый огонь. Вот чего Береговому всегда не хватало!.. Нет, не камина, какой там камин на восьмом этаже новостройки, где он жил, а настоящего огня! В деревне, куда он ни разу не ездил с тех пор, как заболела мать, первым делом затоплялась печка, и так сразу делалось уютно, тепло, славно! И хотелось сидеть возле этой печки, греть руки, помешивать кривой кочергой трескучие веселые полешки!

– Але, – нетерпеливо сказал ему в ухо телефон голосом лучшего друга Столетова. Голос был приглушенный, словно из-под стола. – Чего тебе? Говори быстрее, я на совещалове!

– Дэн, похоже, тут нет никого!

– Где?!

– Да в доме у этого твоего!.. Куда ты меня послал!..

Окно вдруг опять распахнулось, как будто дернуло сквозняком. От резкого звука Владимир Береговой вздрогнул, уронил прижатую плечом трубку.

Трубка глухо стукнула в ковер и покатилась. Береговой бросился, подобрал ее и опять прижал к уху.

– Слышь, Дэн, я приехал, а тут никого!

– Ну и хрен с ним! В почтовый ящик сунь, и все дела! Самое главное – передать! Считай, ты передал! И не звони, у нас тут та-а-кое!..

Дэн Столетов работал в журнале «День сегодняшний», и там у них то и дело случалось та-а-кое...

– Да нет, ты не понял! Ворота открыты, и дом тоже, только нету никого...

Но Столетова в телефоне уже не было. Втравить друга Владимира в авантюру – это он запросто, это он легко. А вот помочь советом – так он на совещалове, и некогда ему!..

Мимо рогов, растопыренных в разные стороны, мимо темных, лаково поблескивающих картин, на которых были изображены мертвые утки, мертвые кролики и мертвые куро-патки, кажется, такие картины называются натюрмортами, он вернулся в прихожую, – какая, к черту, прихожая, зал размером с его квартиру! – пристроил пакет на кресло, потом подумал и пере-ложил на комод, поближе к выходу.

Постоял, прислушиваясь, и сказал громко:

– Ну, на всякий случай, до свидания!

Дом ничего не ответил, но Береговому вдруг показалось, будто кто-то наблюдает за ним из темноты – так пристально, что заломило в голове.

Он быстро оглянулся.

Никого.

...Нужно убираться подобру-поздорову! Что-то здесь не так.

Береговой шагнул на крыльцо и как следует прихлопнул за собой дверь – дом будто вздрогнул, – но ощущение, что за ним наблюдают, никуда не делось.

На улице было очень сыро, как бывает только ранней весной, когда снег уже осел и потем-нел, но еще не растаял, и кругом журчит и капает, и что-то словно двигается и дышит, оживая, и острый холодный воздух пахнет весной даже по вечерам!..

И темно так, как никогда не бывает зимой, когда ночи морозные, ясные!..

Стоп. Темно не потому, что весна, а потому, что свет не горит.

Когда Береговой шел к дому, вдоль дорожки горели фонари, и он был этому рад. Кругом стояли глубокие лужи, и он то перепрыгивал, то обходил их, благословляя эти самые фонари!

Пока он был в доме, кто-то выключил свет.

...Или он сам погас?

Нужно уезжать. Нужно немедленно уезжать отсюда.

Почти ощупью Береговой спустился с крыльца, наступил в воду, сразу и обильно плес-нувшую в ботинок, и двинулся по дорожке к воротам. В ботинке теперь отчетливо чавкало.

Машина осталась у забора, заезжать на участок он, разумеется, не стал, несмотря на то, что ворота стояли настежь, и сквозь причудливое чугунное литье ограды Береговому уже был виден ее полированный бок. Там, за забором, фонари горели синим уличным светом.

Сейчас он дошлепает по лужам до этого света, милого своей привычностью, распахнет дверь, плюхнется на сиденье, приемник запоеет, двигатель заурчит и...

И тут Береговой споткнулся, ноги разъехались, он бухнулся коленями и животом в лужу, ткнулся лицом. Мокрый снег моментально набился в рукава и даже в рот!

Отплеываясь, он неуклюже пополз, встал на четвереньки, по-собачьи встряхнулся и замер.

Поперек дорожки лежал человек, о которого он и споткнулся. Прямо перед носом Бере-гового было лицо, синее от света дальнего фонаря, с черными впадинами глаз и висков.

Человек был абсолютно, непоправимо мертв.

Медленно, словно во сне Береговой дотронулся пальцами до ледяной щеки и отдернул руку.

Какой-то посторонний, монотонный звук протыкал сознание:

– А-а-а... А-а-а...

Звук был отвратительный настолько, что Береговой понял: его немедленно вырвет, если он не прекратится сейчас же, и тут только сообразил, что звук издает его собственное горло. Это он сам тихо и страшно воет на одной ноте:

– А-а-а...

Тут он вскочил, попятился, с ужасом глядя на тело, повернулся и бегом, скользя и чуть не падая, бросился к воротам, к чугунным завитушкам забора, к спасительному свету.

Быстрее, быстрее!.. Бежать, спастись, как можно быстрее!..

Он добежал почти до ворот и остановился.

Нагнулся, зачерпнул немного грязного снега и поел. Зачерпнул еще и вытер лицо. Щеки моментально заледенели.

Нужно вернуться.

Вернуться и посмотреть... *что там.*

Посмотреть и как-то помочь.

Береговой и так знал, *«что там»* и что *помочь ничем нельзя*, но он должен был вернуться.

Он постоял, изо всех сил стараясь дышать. Ему казалось, что, если дышать ровно, тошнота, залепившая горло, отступит.

Он оглянулся через плечо – тело лежало поперек дорожки темной горкой – и перевел взгляд на свою машину, совсем рядом.

Бежать и спастись нельзя. Уже поздно бежать и спастись.

Он повернул назад.

И вся жизнь Владимира Берегового повернула невесть куда в эту самую секунду, но он еще не знал об этом.

Он шел сначала медленно, потом зашпешил, подбежал, присел на корточки.

– Как вам помочь? – шепотом спросил он у трупа. – Вы живы?..

И потянул за рукав.

Следом за его движением тело подалось, голова перекатилась – Береговой отпрянул, потерял равновесие и снова плюхнулся в лужу.

Длинные волосы, казавшиеся голубыми, шевельнулись как-то сами по себе. Черная неровная дорожка разделяла их, словно пробор.

Это не черная дорожка, медленно подумал Береговой. Это красная кровь. Она течет из головы, и волосы намокли от крови.

Лицо совсем молодое, безмятежное, как будто довольное чем-то. Разве у трупов бывают... довольные лица?!

– Помогите, – проскулил Владимир Береговой, начальник IT-отдела издательства «Алфавит», заехавший по просьбе друга Дэна Столетова в незнакомый дом, чтобы передать журналы, и оказавшийся один на один с трупом молодой женщины. – Помогите...

Помочь было некому.

И он решил, что тело нужно непременно перенести в дом.

Перенести в дом, вызвать ментов и «Скорую», – и может быть, может быть, еще как-то удастся ее спасти?!

Несколько раз примерившись, он кое-как взгромоздил на руки тело девушки, очень тяжелое и очень холодное. Голова откинулась, свесились голубые волосы, залитые черной кровью, открылась неожиданно тонкая шейка, и Береговому показалось, что голова сейчас оторвется. Он перехватил тело и понес, очень медленно и осторожно, то и дело сглатывая тошноту и *стараясь не смотреть*.

Однажды в Завидове он нашел под крыльцом мертвую лягушку. Тогда он совсем маленький был. Лягушка лежала на спине, растопылив мертвые лапки, и у нее было точно такое же белое отвратительно вытянутое горло.

Он взобрался на крыльцо и ударил ногой в дверь.

– Эй! Откройте! Помогите мне!

Никто не отозвался, и он ударил еще раз, а потом еще, и потом уже стал колотить не переставая.

Он колотил и точно знал, что никто не откроет. В доме с рогами и картинами, на которых были мертвые кролики и куропатки, никого нет.

Береговой повернулся боком, нашаривая ручку. Голова трупа глухо стукнулась в дверь, перевалилась на другую сторону, уткнулась в его куртку, и он чуть не уронил свою ношу.

Кое-как извернувшись, он надавил локтем, ударил ногой, дверь распахнулась, и Владимир втащил тело в прихожую, где давеча оставил журналы, и приткнул его на светлый диван. Голова свесилась, и он поправил ее, изо всех сил стараясь не смотреть.

– Помогите, – очень тихо попросил он неизвестно кого. – Помогите мне!

Нужно вызвать врачей и этих... которые занимаются такими вещами. Он позабыл, как их называют.

Надо как-то получше устроить тело на диване – вдруг оно еще живое?.. Шансов почти нет, но все-таки вдруг?.. Доктор Николай Давыдович, лечивший мать, говорил, что убить человека не так-то просто! Может, и эта девушка... еще пока не умерла?!

Береговой шарил по своим карманам, выворачивая и почти раздирая подкладку, искал телефон.

Аптечка. Нужно принести из машины аптечку и перевязать его... ее. Он взглянул мельком, продолжая ожесточенно шарить по карманам. Никаких ран не увидел, но волосы были в крови, ему показалось, что крови стало больше.

Телефон все никак не находился.

– Я сейчас, – сказал Береговой трупу. – Я только до машины и обратно. Ты... потерпи немножко.

Выбежав на крыльцо, он испытал облегчение.

Странное дело, мир не перевернулся, жил прежней весенней бодрой жизнью. Капала вода с крыши, горел фонарь на улице, мокрый снег обрушился по водосточной трубе, прогрохотал совсем рядом с ним.

Если мир устоял, может, все не так страшно?.. Может, еще и обойдется?..

Он добежал до машины, зачем-то распахнул водительскую дверь, выругался и полез в багажник. Одной рукой он раскапывал аптечку, а другой все шарил по карманам в поисках телефона, но тот как в воду канул.

На дорожке Береговой опять поскользнулся, замахал руками, выронил аптечку, подобрал и влетел в дом.

Дыхание остановилось, и сердце, кажется, остановилось тоже.

В прихожей, размером с его московскую квартиру, все было по-прежнему. Вот рога на стенах. Вот комод со стопкой журналов, которые он привез. Вот белый диван.

Только на диване *никого нет*.

Как в кошмаре Береговой подошел поближе. И нагнулся. И заглянул за диван.

Тело исчезло.

Диван был абсолютно пуст и чист.

Владимир провел рукой по обивке – влажная. Значит, тело здесь все-таки лежало, и оно не было видением или галлюцинацией!

И тут Владимир Береговой, начальник IT-отдела процветающего издательства «Алфавит», заехавший по просьбе друга в незнакомый дом, чтобы передать журналы, понял, что этот исчезнувший труп и есть самое худшее, что только могло с ним случиться.

Он закрыл и открыл глаза. Странная штука, он как будто надеялся, что труп *вернется на место*.

Но он не вернулся.

Береговой постоял еще секунду, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, дошагал до своей машины – водительская дверь так и стояла настежь, – сел и запустил мотор.

Ему было холодно, и он на полную мощность включил отопитель, который сразу бодро загудел.

Береговой развернулся, вырулил и двинул по поселковой улице – очень аккуратно. Мысль о том, что мир по-прежнему существует, не рухнул и не лежит в руинах, не отпускала его.

Вон кто-то заезжает в ворота. А там за забором горят веселые огоньки и бегают большая собака. А по проулку прогрохотал грузовичок с затейливой надписью «Доставка воды».

Береговой выехал на освещенное многополосное шоссе.

В голове было пусто, просторно и холодно.

Что-то все время мешало ему, тыкалось в живот и ребра, и он в конце концов сообразил, что на коленях у него лежит аптечка.

Аптечка на коленях – непорядок. Нужно переложить.

Он принял вправо, приткнулся к обочине, включил аварийку и выбрался из машины.

Аптечка должна быть в багажнике, откуда он ее и достал.

Он обошел свою машину и распахнул багажник.

Аптечка вывалилась из рук и ускакала на проезжую часть.

Береговой стоял над распахнутым багажником и рассматривал скрюченный труп.

Труп мужчины в темном костюме и лакированных ботинках. Брючина задралась почти до колена, и была видна белая, сильно оцарапанная нога.

Знаменитая писательница Маня Поливанова – псевдоним Марина Покровская – только что поругалась с издателем, вернее, издательшей, и ей срочно требовались утешения и кофе со сливками и сахаром.

Анна Иосифовна, генеральная директриса издательства «Алфавит», обожавшая своих писателей и носившаяся с ними, как с малыми детьми, или как с писаной торбой, присочинила Маня, любившая сравнения, на этот раз была строга, если не сказать – резка и неумолима.

Так, что даже обращалась к Мане на «вы» – худшее из наказаний!..

В лифте Поливанова втиснулась в самый угол и почти с головой нырнула в портфель, изрядно потрепанный и очень любимый, словно собираясь в нем отсидеться, чтоб никто из сотрудников не видел ее удрученной физиономии и глаз, красных, как у кролика.

Вот еще только разреветься не хватает!

– Здравсти, Марина Алексеевна!

– Манечка, привет!..

В лифт впорхнула стайка редакторш отдела женской литературы, видимо, возвращавшихся с обеда. Они были сытенькие, покрасневшие, а одна везла плюшки, завернутые в салфеточку. В лифте сразу запахло домашней сдобой, и от этого Мане стало совсем невмоготу.

Домой хочу. Я хочу домой, на диван. Рыдать и убиваться над своей загубленной жизнью. А здесь меня никто не любит, никто не жалеет, и даже Анна Иосифовна называет на «вы»!..

Слезища капнула в портфель, и Маня шмыгнула носом.

– Марина Алексеевна, вас Екатерина Петровна искала...

– Знаю я, – грубо перебила Маня, и редакторши удивленно притихли.

Писательница Покровская всегда была весела и расположена к людям, и в кулуарах ее называли «душа Тряпичкин».

Выйдя из лифта, Маня двинула было в сторону «Чили» – так в издательстве «Алфавит» именовалось уютное и просторное помещение, в восточном вкусе, на первом этаже, где можно было поговорить, прочесть не слишком обременительные бумаги, где настоящий турок варил настоящий кофе, стояли удобные диваны и необыкновенные низкие столы, сделанные умель-

цем-краснодеревщиком на заказ. Анна Иосифовна обожала все «настоящее» и «подлинное» и никогда на это самое «подлинное и настоящее» не жалела денег.

Маня собралась туда в расчете на темный угол и кофе со сливками, но поняла, что в данный момент терпеть не может свое издательство, и «Чили» терпеть не может, особенно претенциозность этого названия, кажется произошедшего от модного словечка «chill-out». Никто толком не знает, что оно означает, но – красиво, черт побери!..

Красивости в духе Анны Иосифовны в данный момент Маню бесили.

Не пойдет она ни в какое «Чили», сядет в машину и уедет домой. И больше в издательство ни ногой до тех пор, пока...

– Маня, я тебя ищу! Ты же давно приехала и пропала!

– Я не пропала, – буркнула Поливанова.

Екатерина Митрофанова, заместитель генеральной директрисы, второе лицо в королевстве под названием «Алфавит», профессионал и знаток издательского дела, подхватила писательницу под руку.

Маня терпеть не могла ходить «под ручку». Она сразу чувствовала себя слишком большой и неповоротливой, как танк, к броне которого прицепилась бабочка.

Она вытащила руку и сказала, что уезжает.

– Как?! – поразились Митрофанова. – Нам поговорить надо! А пальто твое где?

Да. Пальто осталось в приемной Анны Иосифовны на шестом этаже.

Ну и черт с ним!.. Не пойдет она за пальто!

– Маня, что ты такая злая? С Алексом поругалась?

– Я не злая.

– Пойдем кофейку попьем.

– Мне некогда.

– Вы поссорились, да? С Алексом?

– Я ни с кем не ссорилась, – отчеканила Поливанова. – Отстань от меня.

Митрофанова помедлила секунду, а потом снова твердо взяла ее под локоть.

– Мне нужно тебе кое-что сказать. Насчет твоей книжки.

На этот раз Маня руку вырвала.

– Мне уже Анна все сказала! И что я рукопись задерживаю, и что людей подвожу, и что я ленивая, как тюлень! Ты еще добавить хочешь?

– Анна Иосифовна не могла сказать, что ты тюлень.

Маня промолчала. Про тюленя она на самом деле придумала. Директриса ничего такого не говорила, конечно.

Она уже раскаивалась в том, что грубила, и покорно вошла следом за Митрофановой в уютное, тихое и чинное помещение, где почти никого не было в этот послеобеденный час.

– Нам два кофе. Один по-турецки, а второй обычный, со сливками и сахаром.

Знакомый парень-турок, варивший здесь кофе, улыбнулся Поливановой с удовольствием. У них были приятельские отношения. Впрочем, у нее со всеми приятельские отношения!..

– А чего ты хочешь?.. – тихим официальным голосом начала Митрофанова, когда они уселись. – Чтобы она тебя хвалила? Ты же рукописи месяцами не сдаешь! А у нас план к чертям собачьим летит!

– В гробу я видала ваш план.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно! Как я могу писать, если мне не пишется?! Ну как?! Я ни слова из себя выжать не могу! Вот сажусь за компьютер, открываю страницу, пишу-пишу, пишу-пишу, а потом оказывается, что написала ровно три предложения и ни одно никуда не годится!

– А как ты раньше писала?

– Не знаю, – отрезала Поливанова. – Как-то писала. По-моему, очень плохо.

– Ну да, – согласилась Митрофанова. – Куда уж хуже!.. Тиражи за сколько миллионов перевалили?..

Турок принес на латунном подносе кофе, ловко поставил и улыбнулся понурой Мане. Она даже не заметила.

– Алекс что говорит?

Маня отхлебнула, обожглась и задышала ртом.

– А что он должен говорить?

– Ну, он же видит, наверное, что у тебя кризис жанра?..

– Я не знаю, что он там видит, а чего не видит. Ему не до меня.

– В каком смысле?

– Во всех. – Маня глубоко вздохнула и посмотрела на Митрофанову несчастными глазами.

Она одна кругом виновата. Перед всеми. И перед Алексом тоже.

– Маня, вы на самом деле поссорились?

– Мы не ссорились. Ему просто нет до меня дела. У него... своя книжка и своя жизнь.

И отстань от меня, Митрофанова, ты же все знаешь!

Екатерина Петровна сделала аккуратный глоток и пожала плечами. И поправила идеально белый манжет с запонкой, выглядывавший из рукава идеально скроенного пиджака.

– Ну, а чего ты хотела? – спросила она негромко. – Жить с гением – это, знаешь ли, непросто.

– Спасибо, что сказала, а то я без тебя не знала. Ладно, Кать, я пошла. Увидимся, когда роман напишу.

– Это значит через год?

Маня поднялась и посмотрела на нее сверху.

– Может, через два. Как пойдет.

– А он... где?

Маня не стала делать вид, что не поняла.

– Во Франции он.

– Давно?

– Да уж месяца два. У него дела в его драгоценном французском издательстве. Драгоценное французское издательство жаждет заключить с ним очередной контракт. Драгоценное издательство собирается уладить все прошлые недоразумения. Кланяйтесь драгоценной Марье Ивановне.

– А у нас Береговой сегодня на работу не вышел, – сообщила ни с того ни с сего Митрофанова. – Пропал, и телефон не отвечает.

– Найдется, – сказала писательница Покровская равнодушно.

– Да не можем его найти!

– Чай, он не иголка в стоге сена! Большой мальчик, метр девяносто, не меньше.

– Я к тебе сегодня вечером приеду, – пригрозила Митрофанова. – И мы поговорим.

– Я тебя на порог не пущу, – отрезала Покровская и улыбнулась. – Кать, ты не обижайся на меня, но мне действительно сейчас как-то... ну, совсем хреново.

Так и не забрав пальто, наступая туфлями в глубокие лужи, Маня добралась до машины, долго и бестолково тыкалась, выруливая, – она плохо водила и знала об этом, – и решила, что домой ни за что не поедет.

А поедет в книжный магазин «Москва».

Писательница Марина Покровская любила книжные магазины, а «Москву» особенно. Еще с той поры, когда там висели плакаты: «Производить продажу литературы повышенного

спроса в магазинах только в порядке общей очереди не более чем по одному экземпляру каждого названия одному покупателю», приказ Госкомиздата СССР № 522».

Тогда она приходила сюда с дедом, выстаивала длиннющие очереди за Александром Дюма и Гансом Христианом Андерсеном – по одному экземпляру в руки! Дед был обыкновенным инженером, «спецраспределители» ему не полагались, вот и приходилось выстаивать, да еще иногда по ночам ездить «отмечаться», это если в магазин поступало что-то совсем нестандартное, вроде полного собрания сочинений Джона Голсуорси, продававшегося только «по подписке». Маленькая Маня готова была на все, что угодно, ведь дома ее ждало невиданное удовольствие – дед ей читал!..

Они приносили книжки, завернутые в коричневую плотную бумагу. Острые углы этой бронебойной бумаги царапались, били по коленкам. Маленькая Маня всегда сама несла добытые книжки в цветастой капроновой сумочке, пошитой бабушкой из кофты, вышедшей по старости из употребления. Дома они ставили чайник, разворачивали книжки – как дивно и упоительно они пахли тогда!.. Маня, сопя, забиралась на диван и рассматривала картинки, если они были. Чайник закипал, и они с дедом пили чай с пряниками, предвкушая удовольствие. И этот чай – неизвестно почему! – казался ей продолжением книжного магазина «Москва» и началом какой-то новой истории, которая вот-вот случится. И история случалась!..

Дед читал на разные голоса. Ганс-Чурбан говорил одним голосом, его бабушка совершенно другим. Солдат из «Огнива» был грубоватым простаком, принцесса из сказки про волшебный горшочек убогой дурочкой, а свинопас в дедовом исполнении оказывался романтическим философом.

Таким образом были прочитаны Марк Твен, О'Генри и Памела Треверс. И Джеймс Барри, и Харпер Ли, и все остальные.

Потом Маня стала читать сама, это уже когда дело дошло до Каверина, Германа и Джека Лондона.

А там уж рукой подать до Хемингуэя, Ремарка и Дика Френсиса, которых она добывала сама все в том же магазине «Москва» – деду не по силам стали километровые очереди.

А потом Маня заделалась авторшей детективных романов – вот как ей повезло! – и огромный книжный магазин на Тверской стал для нее... своим.

Каждый раз, объезжая громадный сталинский дом с огромными витринами, уставленными книгами и картинами, чтобы втиснуться в узкий двор и как-нибудь приткнуться машину, Маня истово мечтала вернуть деда.

Ну, вот взять и вернуть.

Хоть на часок. Всего только на один!..

Он бы увидел, своими глазами увидел, что именно в этом легендарном и необыкновенном магазине продаются ее книжки. Вот Пастернак, вот Марсель Пруст, вот Стивен Кинг, а вот и Марина Покровская – здесь, в уголке! Словно она такая же, как они, словно она на самом деле имеет право продаваться в этом магазине!..

Маня провела бы его по залам, уставленным тысячами потрясающих, интересных книг, она показала бы ему все полки – бери, сколько хочешь!.. Какое там «по экземпляру в одни руки»! Она надарила бы ему альбомов – дед всю жизнь любил живопись и собирал альбомы, хотя их было трудно, почти невозможно достать!..

Она познакомила бы его с Мариной.

Марина Леденева была директором книжного магазина «Москва» и дружила с Маней.

Вот дед удивился бы, узнав, что внучка дружит с директором *этого* магазина! Дед просто наверняка был бы горд, и Маня бы тоже немного погордилась собой, а ей как раз сейчас этого очень не хватало!..

Знакомый охранник пропустил ее внутрь, она проскакала по узкой лестничке и повернула налево, к кабинету директора.

– Маня, – удивилась Марина, не ожидавшая такого сюрприза. – Вот ты молодец, что заехала!.. А почему голая? Где пальто?

Марина Леденева всегда все замечала.

Громадный письменный стол, занимавший большую часть директорских покоев, был завален бумагами, книгами, дисками, папками и записными книжками. На стене висела смешная очкастая обезьяна, уткнувшая морду в объемистый распахнутый том – светильник, привезенный Леденовой из какого-то далекого далека. Поливанова обезьяну обожала и всегда с ней здоровалась.

Она поздоровалась с обезьяной, кинула в кресло портфель и втиснулась рядом, очень неудобно.

Марина наблюдала за ней, отложив работу в сторону, а потом взялась за телефон.

– Ты обедала?

Маня помотала головой:

– Да я не хочу!

Марина велела в трубку, чтобы «чего-нибудь принесли».

– Что с тобой?..

С Мариной Леденовой имело смысл разговаривать только честно и прямо – или уж совсем не разговаривать, и Маня выложила ей всю горькую правду своей сегодняшней жизни.

– ...И, ты понимаешь, я ничего, ничего не могу поделать! Ну не идет у меня работа! И я знаю, что всех подвожу и что я идиотка, но ведь я не виновата! Я стараюсь. Правда стараюсь! Знаешь, самый ужасный вопрос, который всегда задают журналисты, – это «как вы начали писать и где вы берете сюжеты»? Так вот, я теперь не знаю ни как писать, ни где брать сюжеты!..

Она причитала, Леденева молча слушала, рассматривала писательницу голубыми глазами в густых темных ресницах, и не понять было, о чем она думает.

Помощница Рита внесла подносик с кофейными чашками, пепельницей и бутербродами. Маня схватила бутерброд прямо с подноса, откусила, и Рита улыбнулась ей, как маленькой.

– Я приезжаю в издательство, – продолжала Маня с набитым ртом. Рита тихонько прикрыла за собой дверь. – Меня там отчитывают, как будто я... не знаю что... преступление совершила, и Анна мне говорит, если так будет продолжаться, то лучше вообще перестать писать!.. Зачем, говорит, это нужно, если читатели не могут дождаться очередной книжки, а мы ничего не смеем им обещать! И у нас убытки. И у вас убытки – она меня стала на «вы» называть, представляешь?!

– Ты так сердишься, потому что знаешь, что она права.

Маня заглотнула кусок бутерброда, как удав, и уставилась на Марину.

– Ну, конечно, – и та кивнула, чтоб Маня точно поняла, что не ослышалась. – Издательство – это такое же производство, как любое другое. Что я тебе объясняю, ты же не первый год работаешь! У них свои интересы, и они должны их соблюдать. Пишется тебе или не пишется – это, по большому счету, не их вопрос.

– Мурзик, – жалобно сказала Поливанова. Только ей разрешалось называть могущественную Марину Леденеву этим дурацким, глупейшим, идиотским именем! – Мурзик, и ты туда же?!

– Я не туда же! – с досадой возразила Леденева. – Я всегда говорю то, что думаю, ты прекрасно это знаешь!.. И я тебе говорю – ты не права и зря обижаешься. Собственно, ты и обижаешься именно потому, что не права. Ты должна сказать Анне: романа нет и не будет, а не кормить ее обещаниями, что завтра его напишешь! Ты же завтра ничего не напишешь?..

Маня Поливанова покачала головой. Глаза у нее налились слезами.

– Я теперь вообще не знаю, как писать. Я разучилась. Не могу.

– А ты... почему разучилась? Ты же раньше умела вроде!..

– Тебе смешно, а мне...

– Из-за Алекса?

С Мариной Леденевой имело смысл говорить только честно. Или уж не говорить вообще.

– Ну да, – призналась Маня Поливанова. – Он же на самом деле... писатель. А я кустарь и ремесленник!.. И я его люблю, Мурзик!.. Я с ним живу. И он пишет, и я пишу, понимаешь?! Только у него получаются шедевры, а у меня все больше какая-то ахинея. У него результат, и у меня результат!.. А я так не могу. Лучше совсем не писать, чем так позориться.

– А он тебе что говорит?

Маня шмыгнула носом, и Марина протянула ей коробку с салфетками. Маня выхватила одну и утерлась.

– Ничего он не говорит. Его моя писанина не интересует. Он и не читал никогда!

– Ты тоже его не читай. Чего зря расстраиваться!

Писательница Поливанова затихла, поморгала красными от слез кроличьими глазами, а потом осведомилась осторожно:

– Ты шутишь? Ты же шутишь, да?..

Марина пожала плечами. Голубые глазищи смотрели серьезно и, пожалуй, с сочувствием.

– Я не шучу. Если тебе мешает то, что он пишет лучше тебя, хотя я не знаю, как можно сравнивать такую... разную литературу, тогда не читай его. Ты делай свое дело, как делала его последние десять лет, или сколько ты там пишешь?.. И все встанет на свои места.

– Но ему нужно, чтоб я читала! – закричала Поливанова. – Ему важно мое мнение и важно, чтоб я знала его текст, он даже иногда советуется со мной!

– Ты решила стать Софьей Андреевной? Женой великого писателя, надеждой, опорой, переписчицей и матерью его детей?

И обе замолчали.

Маня, ссутулив плечи, смотрела в пустую кофейную чашку, а Марина в компьютерный монитор, на экране которого болталась какая-то таблица.

– Пойдем, по магазину пройдемся, – предложила вдруг Марина. – Книжки посмотрим. Ты что-то правда не в себе.

Поливанова пожала плечами. Ей было все равно.

Узкими коридорами они выбрались в торговый зал, полный народу, шумный, залитый ярким электрическим светом. Здесь толпились, проталкивались к полкам, читали, составив на пол сумки и пакеты, выкликали продавцов, когда не могли найти нужную книгу, повторяли в телефон: «Скажи еще раз, как называется? Как?! «Огнедышащая бездна»?! А, «Бездонный огонь»!»!

Маня брела следом за Мариной сквозь толпу, то и дело без надобности поправляя на носу очки.

...Не хочет она быть Софьей Андреевной, что за чепуха! Какая из нее Софья Андреевна, жена величайшего гения всех времен и народов Льва Николаевича Толстого, мастера изображать «картины народной жизни»?! И Алекс вовсе не Толстой, хотя, конечно, знаменитый писатель, и, по большому счету, его ничего не интересует, кроме работы, и Маня как-то незаметно для себя стала как будто частью его работы, «первым читателем», «восторженным почитателем», слава богу, переписчицей еще не стала – выходит, права Марина?! Да нет, этого быть не может! Алекс ни в чем не виноват. Она одна во всем виновата. Таланта у нее никакого нет, была работоспособность, да и та вся вышла, и Алекс тут ни при чем, – выходит, не права Марина!.. Но только раньше, до Алекса, у нее была собственная жизнь и *собственная работа*, которая с его появлением потеряла всякий смысл – разве можно писать плохо, когда рядом человек, который умеет писать хорошо, так хорошо, что захватывает дух?! И в том, что она, Маня Поливанова, живет нынче жизнью Александра Шан-Гирея, нет и не может быть ничего плохого и разрушительного для нее!

...Или может?..

– Чего тебе хочется? – озабоченно спросила рядом Леденева. – Детективчиков? Или, может, любовных историй? Или новых философских течений? Течения не советую. Там все больше про то, что жизнь дерьмо, человек по сути своей насекомое, и скорей бы наступил конец света.

Маня пожалала плечами и наугад вытащила с полки какую-то толстую книгу.

– Марина Николаевна, – к ним протолкнулся охранник с витым шнуром передатчика, заправленным за ухо. Вид у него был озабоченный. – Мы его взяли. Милицию, тьфу, полицию вызывать?..

Маня бросила листать книгу и насторожилась. Все же до последнего времени, еще до того, как заделаться Софьей Андреевной, она была неплохим детективным автором, и всякие такие штучки – шнуры передатчиков, пистолетная кобура и выражения типа «мы его взяли» – приводили ее в восторг.

– Где взяли? – совершенно хладнокровно спросила Леденева.

– В антикварном отделе. С поличным.

– А кого взяли-то? – сунулась Поливанова.

– Ведите его ко мне в кабинет. Полицию вызывайте.

– Нет, а кого взяли-то?!

– Может, ты пока книжки посмотришь? – предложила Леденева ласково. Голубые глаза под стать фамилии были совершенно ледяными.

Алекс, промелькнуло в голове у Мани, никогда не написал бы такой глупости, как «ледяные глаза», придумал бы что-нибудь поумнее!..

– Нет, ты скажи мне, что случилось!

Марина ловко и очень быстро пробиралась сквозь толпу, время от времени оглядываясь на Маню, которая тащилась за ней, как приклеенная.

– У нас в последнее время много воруют, – говорила она тихо, и Маня подставляла ухо, чтоб расслышать. – И только дорогие книги. У нас же открытая выкладка!.. Мы все никак не могли поймать, а убытки уже за сто тысяч перевалили.

– Ничего себе!

– Его долго выслеживали и сегодня, видимо, выследили.

– А можно мне... посмотреть? Мне для работы очень нужно!

Марина усмехнулась.

– Смотри, конечно, только это все не слишком интересно, я тебе точно говорю! Но если для работы...

Какие-то люди поднимались из цокольного этажа, где – Маня знала! – был антикварный отдел. Довольно плотная группа, все мужчины. Посередине невразумительный дяденька в лыжной шапочке и толстом шарфе, несмотря на то что в магазине по весеннему времени было жарко, а по бокам равнодушные парни в пиджаках.

Должно быть, это он и есть, догадалась авторша детективных романов про шапочку с шарфом. Это у него такая маскировка, чтобы не привлекать внимания! Ничего себе, на сто тысяч наворовал!.. Сколько же нужно украсть книг?! Впрочем, в антикварном отделе были книги и по десять, и по пятнадцать тысяч и даже...

Додумать Маня Поливанова не успела.

Человек в лыжной шапочке поднял голову и посмотрел на нее, как будто оценивая. Маня моргнула.

Марина придержала ее за рукав, чтобы пропустить процессию к служебному входу, и дальше случилось непонятное.

Очень быстрым, незаметным, каким-то вихляющим движением человек нагнулся, толкнул охранника, в электрическом свете блеснуло что-то длинное и узкое, как будто полоска, охранник закашлялся и с грохотом повалился на ближайший стеллаж. Маня Поливанова тоже

почему-то не устояла на ногах, должно быть, охранник ее задел. Она стала валиться, замахала руками, но что-то сильно дернуло ее за воротник, так что затрещало даже в ушах.

Люди, обернувшиеся на шум, замерли, как на стоп-кадре.

– В сторону! В сторону все! Порежу! Порежу ее!

Очки слетели у нее с носа, картинка поехала и расплылась, и бок проткнула боль. Такая сильная, что мгновенно затошнило и стало нечем дышать. Маня попыталась вдохнуть, открыла рот, но горло сузилось, закрылось, воздух не проходил.

Ее тянуло куда-то, и приходилось переставлять ноги, чтобы успевать за тем, что ее так тянуло, и горлу было все больнее, и она захлебывалась болью и очень хотела вдохнуть воздух.

И тут все кончилось.

Оказалось, что она стоит на коленях на асфальте прямо посреди улицы Тверской у витрины книжного магазина «Москва», и высыпавшие из магазина люди обступают ее со всех сторон, и она никого не узнает.

– Ты жива? Маня, ты жива?!

Ну, слава богу. Это Марина Леденева, значит, все в порядке.

– Я жива, – неуверенно сказала Маня и встала на четвереньки. Тошнило ее ужасно. – Все хорошо. А что случилось-то?..

Екатерина Митрофанова в десятый раз нажала на кнопку вызова, и телефон в десятый раз вежливо объяснил ей, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Вот упрямая овца! Все-таки выключила телефон!..

Под конец дня Митрофанову вызвала Анна Иосифовна и озабоченным добрым, почти докторским голосом объяснила, что «дальше так продолжаться не может и с этим нужно что-то делать»!

«Это» – что не может продолжаться и с чем нужно что-то делать – суть писательница Покровская, которая уже на два месяца задерживает рукопись.

– Я была с ней сегодня довольна резка, – сказала генеральная директриса тоном задумчивого раскаяния. – Но я не знаю, что делать, Катюша. Нам придется совместно подумать, как ликвидировать этот кризис. Он сейчас решительно не ко времени. Покровская читаема, востребована, издательство не может позволить себе упускать такие прибыли. Я хотела просить тебя, Катюша, поговорить с ней по душам и выяснить, что именно мешает ей работать. Мы сделаем все для того, чтобы... разрешить ее проблемы и помочь ей выбраться.

Катюша – Екатерина Петровна Митрофанова – обещала все выяснить и доложить директрисе завтра же. И точно знала, что та утром первым делом потребует отчет о проделанной над Поливановой работе, а никакого отчета не будет! Поливанова куда-то провалилась, и нет никакой возможности «помочь ей преодолеть кризис»!..

Решив на какое-то время отложить приставания к «абоненту», аппарат которого все равно выключен, Екатерина Митрофанова сосредоточенно переоделась в джинсы и маечку и принялась бодро и деловито складывать в сумку спортивный костюм и кроссовки. Совсем недавно она окончательно и бесповоротно решила, что «следует заняться собой».

...Глаза б мои не глядели на этот костюм и кроссовки.

Нет, нет, так нельзя думать. Нужно думать вот как: к весне надо привести себя в порядок. Я современная молодая женщина, и мне просто необходим курс фитнеса. Отступать некуда, абонемент куплен, тренер по имени Артем – как пить дать, идиот, все тренеры по фитнесу идиоты, – ждет ее к восьми. Через две недели я похудею, руки и ноги перестанут походить на студень, а станут похожими...

...Чтоб ему провалиться, этому тренажерному залу вместе с тренером Артемом! Вот было бы счастье – прийти к спортклубу, а он провалился, и нет его, и не нужно проделывать всю

эту глупость! Приседать, держа спину очень прямо, сводить и разводить колени «с усилием», качаться, как маятник, на какой-то специальной пыточной доске, заложив руки за голову, и отжиматься от черной клеенчатой лавки!

Да нет же, не так! Во всем мире принято заниматься собой и своим здоровьем! Мы живем исключительно для того, чтоб в сорок лет выглядеть на восемнадцать, а в восемьдесят на сорок. Занятия спортом – это не только здоровье, это показатель преуспевания, «правильности» жизни, а уж она-то, Екатерина Митрофанова, живет исключительно правильно!

...Господи, как я не хочу туда тащиться. Я есть хочу, спать хочу, и мне бы бумаги от Кантровича почитать, что он там в очередной раз напутал?! Из отдела маркетинга бумаги вернули с ехидной резолюцией, стало быть, совершенно точно напутал!

Нет, нет, нужно отбросить все мысли о работе и на занятия идти с радостным предвкушением! Что ж именно там предвкушать?.. Тягание железа? Приседания «с утяжелением»? Обливание соленым потом? А, вот что! Предвкушать следует волшебное превращение студня, из которого состоят сейчас ее мышцы, в стальные канаты.

И рраз!.. Мах ногой влево. И два!.. Мах ногой вправо! И трри!.. Носок тянуть, тянуть носок!..

Может, черт с ними, с канатами, может, пока без них как-нибудь?..

Екатерина Митрофанова сделала карьеру, многого добилась и вообще практически стала образцовой женщиной начала двадцать первого века исключительно благодаря собственной силе воли – ей так казалось. Вот воля у нее как раз и есть стальной канат!

На этом канате она приволокла себя в фитнес-центр и мрачно и сосредоточенно натянула спортивный костюм – ничего, ничего, вскоре это тело станет как у Дэми Мур в фильме «Солдат Джейн»! – и отправилась на поиски тренера Артема.

Кругом грохотало, звенело, бухало, в многочисленных зеркалах отражались многочисленные тела, находящиеся на пути от состояния студня к состоянию солдата Джейн. Музыка была соответствующая – грохочущая, упорная, бухающая.

И ррраз!.. И два!.. И тррри!.. Приседаем, приседаем, не отвлекаемся! Сейчас еще только второй подход, а у вас восемь!

Тренер Артем оказался тренершей Анжелой.

– Артема нету, – приплясывая на месте от избытка энергии, объявила почти голая Анжела, рассматривая Митрофанову, упрятанную по горло в унылый спортивный костюм. – Вы сегодня первый день, да? Я вами займусь! Пойдемте!

Вот чего Митрофановой совсем не хотелось, так это чтоб ею «занялась» Анжела!..

– Сколько у вас лишнего веса? Взвешиваетесь регулярно?! – спрашивала Анжела, стремительно пролетая по тренажерному залу.

Ее идеальный бюст, обтянутый идеальным спортивным топом, отражался во всех зеркалах. Она жевала, не останавливаясь ни на секунду. От нее пахло «мятной свежестью» и потом, приглушенным дезодорантом.

– Ну, на первый взгляд от трех до пяти килограммов, да?.. Или даже больше! Я вас сейчас взвешу. Конечно, целлюлит, и запущенный, да? Рост какой у вас? Вы нацелены на результат или просто на поддержание тонуса? Это разные программы! Когда-нибудь тренировались? Тогда, может, вам лучше начать с йоги или пилатеса? Хотя там сильные группы, вам туда нельзя, не справитесь. Вам лучше «Бодрость и здоровье». У вас рабочий пульс какой?

– Триста тридцать в лежачем положении, – объявила Митрофанова, не в силах оторвать взгляд от идеального Анжелиного зада в черном лакированном трико.

Собственной митрофановской заднице до эдакого совершенства не дотянуть никогда.

– Такого пульса не бывает, – обиделась Анжела и открыла дверь в комнатку с надписью «Спортивный врач». – Раздевайтесь и быстренько на весы!

Она взмахнула блестящими волосами, собранными в «конский хвост», уселась за стол, подрыгала длиннющими идеальными ногами, придвинула к себе какие-то перегнутые листы и высунула язык – приготовилась писать.

– Имя, фамилия, дата рождения, рост, хронические заболевания, диабет, гипертония, инфаркты, инсульты...

– Страдаю эпилептическими припадками, – призналась Митрофанова, взгромождаясь на весы. Стрелка возмущенно дрогнула и пошла вправо.

– Что, правда?! – Анжела перепугалась, бросила писать и даже язык спрятала.

– Чистая правда, – подтвердила Митрофанова, гипнотизируя стрелку. – С малых лет. Однажды в семилетнем возрасте чуть не зарезалась ножом. В Угличе дело было. Но моя нянька Мария Нагая успела вовремя, и припадок удалось остановить.

– А как же... А она что, совсем голая была?

– Кто? – от злости не поняла Митрофанова.

– Ну, ваша нянька. Мария эта самая?

– Голая, – призналась Митрофанова. – Обобрали ее, бедную, как липку.

– Кого?

Митрофанова слезла с весов. Нужно было как-то заканчивать представление.

– Анжелочка, – сказала она сладко-сладко, – эпилептических припадков, слава богу, у меня никогда не было. Мария Нагая – мать царевича Дмитрия, который вроде бы погиб во время как раз такого припадка. Это было в семнадцатом веке. Не волнуйтесь. Нагая – это такая фамилия, а не отсутствие одежды. Вес семьдесят семь кило. Рост метр семьдесят пять.

– Выходит, у вас лишних двенадцать килограммов! – возликовала Анжела. Обретя почву под ногами, она снова высунула язык, старательно вывела в графе цифру и полюбовалась на нее. – Сейчас я померяю окружность бедер, груди, живота, рук и ног, а потом мы нарисуем проблемные зоны.

– Где... рисуем?

– Вот прямо на них, на зонах. Да вы не бойтесь, это специальный маркер, он смывается! Не сразу, правда, но сойдет. И на тренировке мы будем делать упор именно на них. Ну, руки у вас совсем плохие, вы видите, да? По норме положено сорок три, а у вас почти пятьдесят. Хотя руки исправить трудно, но мы будем стараться! Мы же будем стараться? Ой, я не спросила, как вас зовут.

– Екатерина Петровна, – процедила Митрофанова.

– Вы домохозяйка, да? С ногами проще, щиколотки в норме, колени... да уж... но вы не расстраивайтесь, сейчас ни у кого коленей нету, но вам короткое лучше не носить, потому что, конечно...

Митрофанова решила, что с нее хватит.

Она перехватила руку с маркером, занесенным над ее коленкой.

– Анжела, – сказала она таким голосом, каким говорила на совещаниях. – Этого достаточно. Вы сделали все, что могли. Спасибо вам. Теперь я хотела бы пройти в зал, потренироваться и уехать домой. Вы можете это как-то устроить?

Фитнес-тренерша перепуганно кивнула.

Ну ее. И припадки у нее, и пульс какой-то странный, и нянька у нее нагая ходила. Может, чокнутая? Охранников надо предупредить, Борюсю, чтоб присматривал. Мало ли их, ненормальных!.. А сейчас весна, обострение...

Приведенная к беговой дорожке Митрофанова влезла на нее, как на эшафот, Анжела запустила какую-то программу – «вы не волнуйтесь, это самая-пресамая легкая!». И Митрофанова грузно побежала.

Телеса сотрясались. Двенадцать килограммов лишнего веса, шутка ли!..

Примерно через пять минут, когда она уже обливалась потом и с трудом дышала и в боку противно закололо, у нее появился сосед.

Он был в белоснежных шортах и серой майке с мокрыми разводами на спине, на лбу какая-то повязка, видимо, чтоб пот не заливал глаза.

– Здравствуйте, – очень приветливо поздоровалась Анжела.

Сосед кивнул в ее сторону, а улыбнулся Митрофановой. И она улыбнулась в ответ.

Ну и подумаешь, двенадцать лишних килограммов, и с носа капает, как будто она приняла душ и забыла вытереться! Ничего такого! Она бежит вполне грациозно, и румянец ей к лицу!..

Тем не менее с беговой дорожки она все же решила сойти и чуть не упала, ноги как-то сами собой продолжали бежать.

– Куда же?! – вслед ей заволновалась Анжела. – У вас еще три, нет, три с половиной минуты! Нужно добежать!..

– В следующий раз, – пробормотала Митрофанова.

И посмотрела в спину соседа, который не обращал на них с Анжелой никакого внимания, делал свою работу, и все. Он был на кого-то похож, и Митрофанова некоторое время пыталась вспомнить, на кого именно, да так и не смогла, ибо воспоследовали наклоны, махи ногами – и ррраз! и два! и три! носок тянуть, тянуть! А еще приседания и вот эта ненавистная маета на специальной доске с закинутыми за голову руками.

Чувствуя усталость и дрожь во всем теле, как будто внутренности превратились в тот самый пресловутый студень и теперь противно тряслись при каждом движении, Митрофанова вяло приняла душ и оделась в пропахшей чужими телами крохотной раздевалке со шкафчиками. Шкафчики располагались в два ряда, и деловитая спортсменка, заполучившая отделение как раз под митрофановским, то и дело толкала ее задом, обтянутым крепкими, эластичными трусами.

Как хороша жизнь, уныло думала Митрофанова, выбравшись на улицу под дождь, в смог большого города. Теперь, после тренировки, мне все кажется прекрасным – и дождь, и лужи, и выхлоп, который изо всех сил втягивают мои расправившиеся легкие, жаждущие кислорода!.. И, главное, я стала чуточку ближе к Дэми Мур в роли солдата Джейн. Правда, вид у нее там на редкость дикий, и на женщину она уж точно не похожа, но...

Зазвонил телефон, должно быть, наконец-то объявилась опальная писательница Поливанова!

Катя выхватила трубку из кармана и уставилась на номер.

Нет, не Поливанова. Номер был совсем незнакомый.

– Але, але! – закричали в трубке, как только она нажала кнопку. – Але, вы меня слышите, але!..

Митрофанова пожала плечами, как будто крикливый абонент мог ее видеть.

– Я вас слышу.

– Екатерина Митрофановна, это вы?!

– Меня зовут Митрофанова Екатерина Петровна! – Что за болван на ее голову, когда она только что потренировалась как следует и легкие у нее расправились, а руки и ноги налились невиданной силой! – Представьтесь, пожалуйста!

– Екатерина Митрофановна, это Дэн, друг Володьки! Помните меня? Столетов моя фамилия, я работаю в журнале «День сегодняшний», нас Береговой знакомил, а потом вы мне интервью организовали с этим знаменитым писателем! Алексом Шан-Гиреем! Помните?..

– Помню. – Дэн Столетов был высоченный, лохматый, на вид дурачок последний, а материалы писал дай бог каждому. – Здравствуйте, Денис.

– Здрасти, Екатерина Митрофановна. Володьку в милицию забрали.

В третий раз Митрофановна, что ты будешь делать!

– Меня зовут Екатерина Петровна.

– Вы меня слышите?! Але! Але!!! Володьку в милицию забрали.

– Какого еще Володьку?! – возмутилась Митрофанова, уже смутно понимая – по его растерянности, по тому, как он кричал в телефон, по бесконечно повторяющемуся «але!», – что на самом деле случилось нечто неприятное, опасное, и это опасное и неприятное имеет к ней отношение.

– Володьку Берегового забрали в милицию, то есть в полицию!

– За дебош в ночном клубе?

– За убийство, – тихо и отчетливо выговорил журналист Столетов. – Вы где? Я сейчас подъеду!

Она дошла почти до дома, когда рядом с ней с визгом притормозила машина – прямо американское кино, хорошо хоть не про солдата Джейн!..

Пассажирская дверь распахнулась, и Дэн Столетов, перегнувшись через сиденье, велел ей садиться:

– Вы же сказали, что дома! Я звонил, звонил, а там никто не открывает!

– Откуда я знала, что вы так быстро доедете?! – огрызнулась Митрофанова, втискиваясь в салон. – Я думала, успею.

– Дайте сюда сумку.

Он взял у нее баул и, не глядя, швырнул на заднее сиденье. И стал разворачиваться.

– Позвольте, куда мы едем?!

– Как – куда?! – Он оглянулся через плечо и вырулил в другую сторону. – В этот самый... в убойный отдел!

– Прямо сейчас?!

– А когда?

– Дэн, я понимаю, что вы переживаете за друга, но нас сейчас туда, во-первых, никто не пустит, а во-вторых, мне бы хотелось понять, что случилось.

«Мне бы хотелось понять» – это что-то из лексикона Анны Иосифовны.

– Мне бы тоже, – сказал Дэн Столетов. – Если нас не пустят, мы будем... прорываться! Вы понимаете или нет, что человек в тюрьме?!

– Я вообще ничего не понимаю.

– Я его попросил заехать к одному перцу. Ну, по дороге. Хотя там, конечно, не совсем по дороге, но в его стороне, по Ленинградке. А перец этот меня достал! Пришлите журналы да пришлите журналы, как будто он их не видал никогда! Даже не сам перец, а его пресс-секретарь. Она сначала мне все толковала, что сама заедет, а потом сказала, чтоб мы привезли, ну, в смысле, курьерская служба!

Митрофанова ничего не понимала, но слушала, не перебивая.

Свет встречных фар летел в лобовое стекло, лицо Дэна появлялось, а потом как будто пропадало, и казалось, что он то ли корчится, то ли гримасничает.

– А у нас эту курьерскую службу можно до морковкиного заговенья ждать, все вперед на месяц расписано! Вот я и попросил Володьку, чтоб завез. Он поехал, разумеется. Он даже мне звонил оттуда, представляете? Я его почти не слушал, у нас совещалово было и очередной разбор полетов. Он сказал, что там вроде нет никого. А потом у себя в багажнике трупак этого перца нашел. И сам в милицию его привез. Или куда там? В полицию он привез трупак, вот как.

Митрофанова выдохнула.

Нужно звонить Анне Иосифовне, вот самое главное. Нужно звонить генеральной директрисе и сказать, что у них беда. Слава богу, не в издательстве. Слава богу, просто бестолковый сотрудник влип в неприятную историю.

Может, имеет смысл его задним числом уволить, чтобы к «Алфавиту» не было никаких претензий?

Но эту мысль Митрофанова отвергла. Несколько месяцев назад она уже пыталась уволить Владимира Берегового, и вышла из этого целая история, довольно некрасивая, и Анна Иосифовна тогда заставила ее извиняться и возвращать его обратно.

Катя покосилась на Дэна и вытащила телефон.

Сейчас звонить или подождать? Пожалуй, нужно подождать. При нем звонить не стоит.

– Вы мне толком объясните.

– Да я вам объясняю!

– Как вы объясняете, ничего не понятно!

– Да говорю же! – Дэн выкрутил руль. – Я брал интервью у...

– У одного перца, – подсказала Митрофанова. – У кого именно?

– Он с телевидения, Сергей Балашов его зовут.

Митрофановой стало дурно. Так, что она закашлялась, стала шарить по двери и сильно клониться вправо.

– Вы что? Хотите выйти?!

– От... открой... ок... окно! Ок-но отк-рой!

Стекло поехало вниз, и она почти вывалилась наружу. Холодом обдало голову, заломило виски и зубы, но вернулась способность дышать.

– Вам чего? Плохо, что ли?!

Сглатывая горькую, сухую и твердую, как поролон, слюну, Митрофанова села прямо, но окно не закрыла. Ветер летел в лицо, приходилось прикрывать глаза.

– Убили Сергея Балашова?!

Дэн искоса взглянул на нее и кивнул.

– Береговой убил Балашова?!

– Дура! – гаркнул он. – Не убивал он никого! Я же тебе говорю, он его трупак в багажнике своем нашел!

– Этого не может быть, – пролепетала Митрофанова. – Этого просто не может быть.

– А ты чего? Поклонница, что ли?..

Сергей Балашов был знаменитым телевизионным ведущим, красавцем и умницей, создавшим себя из ничего, как феникс из пепла, впрочем, феникс, кажется, не создавал, а, наоборот, возрождался!.. Но и Балашов – да, да! – много раз воз-рождался после того, как программы закрывали, а его самого снимали с работы. Он любимец нации, лучший ведущий, символ телевидения, его нельзя... убить!

...Или можно?..

– Вода есть? Я бы попила.

– Нет воды. Сейчас тормозну у палатки, купим.

– Палаток тоже нет, – сказала Митрофанова отрешенно. – Все позакрыли. Не может быть, чтоб Балашова убили.

– Убили. А Володьку взяли как бы с поличным, когда он им труп привез.

– Да нет, ну чушь, чушь! – закричала Митрофанова и опять задышала в окно. – Этого быть не может! Как Береговой мог убить Балашова?! Где Береговой и где Балашов?!

– Не убивал Володька его! Точно не убивал! Он приехал, а там никого, говорю же! Он оставил журналы и уехал, а потом в своей тачке его нашел!..

– Ты мне надоел, – отчеканила Митрофанова. – Я ни слова не понимаю из того, что ты говоришь. Приди в себя и говори нормально, ну!..

Дэн пошевелил губами, должно быть, выругался беззвучно и заговорил очень громко, как будто Митрофанова была тугоухой:

– Я брал у него интервью.

– У Балашова?

– Ё-мое. У Балашова. Он дотошный такой, мама не горюй. Сто раз все согласовывали, подписывали, с пресс-секретарем созванивались. Интервью вышло. Звонит этот самый пресс-секретарь, вернее, секретарша, у него секретарь дама, конечно, и говорит, что Сергей очень хочет получить журналы, а возможности купить у него нету, потому как он по киоскам не ходит и по заправкам не ездит. Короче, негде ему купить! И раз позвонила, и два, и десять, а я все ее завтраками кормлю – мол, привезем, доставим, пятое-двадцатое! А курьер не едет! У нас в редакции, как и везде, самые главные люди – курьеры и водители! Как они скажут, так все и будет! Ну, вот курьерская служба говорит – мы не поедem, мы загруженные, у нас работы полно, а поселок этот семь верст до небес и все лесом, вот я и попросил Володьку! Ну, он каждый день по Ленинградке ездит! Чтобы заехал и завез. Ему там и крюк не слишком большой.

– И Береговой повез Балашову журналы. Домой.

Дэн хмыкнул и покрутил лохматой башкой.

– Вы так говорите, как будто он в Ватикан поехал, к папе римскому!

– Это почти одно и то же.

– Да ла-адно!..

Митрофанова вздохнула.

Сергей Балашов убит?! Быть такого не может! Ну не может такого быть! Она как раз собиралась после своего идиотского фитнеса посмотреть его программу! Он обещал рассказать нечто такое про любовь Аллы Пугачевой и Максима Галкина, а Митрофанова, несмотря на то что была исключительно деловой и умной, тем не менее все же женщиной, обожавшей сплетни и истории про любовь. А Сергей Балашов умел их рассказать, как никто другой!

– Что было дальше?

– Вот тут я точно не знаю, – признался Дэн горестно. – Но он мне звонил.

– Балашов или папа римский?

– Молодец! – похвалил Дэн. – На лету рубишь! Володька мне позвонил и сказал, что он вроде в доме, а там нету никого, пусто. Ну, я ему в том смысле, чтоб оставил журналы и двигал оттуда. А потом он опять позвонил и сказал, что у него в багажнике труп, и он везет его в милицию, тьфу, черт, в полицию!..

Они помолчали. Снег пошел, острый, крупитчатый, «дворники» заерзали по стеклу. Митрофанова закрыла окно.

– Слушай, Дэн. Ехать сейчас в отделение не имеет никакого смысла. Отвези меня домой, а утром посмотрим.

– Куда мы утром посмотрим?!

– Если Владимир Береговой ни в чем не виноват, его, конечно же, отпустят, – твердо сказала Митрофанова. – Во всем разберутся и отпустят. Может, не сразу, конечно, но...

– Это же громкое убийство, – перебил Дэн. – Сейчас в это дело влезет какая-нибудь прокуратура, и какой-нибудь очередной крутой перец возьмет его под личный контроль!

– И очень хорошо.

– Да что хорошего-то?! И расследовать ничего не надо, Береговой наверняка там везде наследил, как последний сукин сын, и в доме, и на трупе! Он же, зуб даю, его трогал! Ну, когда багажник открыл и увидел, что там... там лежит что-то! Кто станет разбираться, если тут такая удача свалилась – есть на кого убийство повесить!

– Пусть так, – согласилась Митрофанова. – А мы тут при чем?

– Кто – мы?

– Я и издательство «Алфавит»! Анну Иосифовну удар хватит, если она узнает, что наше издательство, пусть даже каким-то боком, связано с таким ужасным делом.

– Удар, значит, – повторил Дэн. – Вас всех немедленно хватит удар.

– Я даже не знаю, когда ей сказать, – озабоченно продолжала Митрофанова. – То ли сейчас, то ли до утра подождать, пусть уж хоть эту ночь поспит спокойно, потому что потом начнется!..

– Володьку надо спасать! Ты что?! Не понимаешь?!

– Я понимаю, что мы влипли в историю, – выговорила Митрофанова. – И нам нужно как-то выбраться из нее с наименьшими потерями.

Она думала так совершенно искренне. Она современная деловая женщина, которая не хочет лишних проблем. И что тут такого?..

Она была уверена, что все очень понятно и логично объяснила журналисту Столетову, и шарахнулась от него, когда он вдруг заорал в темноте и тесноте машины:

– А раз так, пошли вы все к чертовой матери!

Он затормозил у обочины, и сзади ему засигналили густо, сердито и на разные голоса, и сказал Митрофановой совершенно спокойно:

– Выметайся.

Она молча смотрела на него.

– Выметайся, я сказал. Барахло свое не забудь.

– А что, по-твоему? Я должна вмешиваться во всю эту дикость?! И втянуть Анну Иосифовну?! И вообще, что я могу? От меня ничего не зависит!

– И не зависит, и никому ты ничего не должна. Давай. Пока. Хорошего тебе вечера.

Митрофанова поняла, что он не шутит, посидела еще секунду, а потом выбралась из машины. Ее баул вылетел следом и шлепнулся в лужу, взметнув небольшое грязно-белое цунами, плеснувшее волной на ее ботинки.

– И тебе советую – не лезь ты в это дело, – громко, перекрикивая уличный шум, сказала Митрофанова в сторону открытой двери. – Ты все равно помочь ничем не сможешь, а только...

Дверь захлопнулась, и машина, взревев мотором, унеслась по мокрому шоссе, кое-где присыпанному жестким мартовским снежком.

– Дурак!

Она подобрала свою сумку, глупо поотряхивала ее, взвалила на плечо и пошла в обратную сторону.

Нет, интересно, а чего он ждал, этот ненормальный?! Что она кинется сейчас спасать Берегового, по своей чрезвычайной глупости влипшего в очередную неприятную историю?!

Да и как она может его спасти? Никак не может! У нее нет ни друзей в Генеральной прокуратуре, ни знакомых в следственном комитете, или кто занимается такими делами?! И Берегового она едва знает! Нет, конечно, формально IT-отдел находится в ее подчинении, и несколько месяцев назад она на самом деле Берегового почти уволила, а потом взяла обратно, но это не означает, что сейчас она позволит втянуть себя в какие-то совсем темные и криминальные дела!

Сергей Балашов убит, ну надо же!.. В это невозможно поверить, он ведь даже не до конца... человек! Он телевизионный бог, красивый, умный, насмешливый, образованный! Мужчина, с которым каждая женщина в этой стране уж точно провела часок-другой, даже такая самостоятельная и деловая, как Митрофанова, – он в телевизоре, она на диване! – что уж говорить о менее деловых и самостоятельных, которые проводили с ним каждый вечер!

Он был профессионал из профессионалов, он умел вытаскивать из людей правду так, что они подчас сами ничего не замечали. Он умел так ловко их препарировать, что из всенародных кумиров и любимцев вдруг вылезали самые обыкновенные гопники и шпана, ничего не понимающая, кроме «бабла и бухла», а обыкновенные люди внезапно становились героями!..

Как в принципе можно убить человека, который не до конца человек?! Который, по большому счету, все-таки персонаж?! И его наверняка как следует охраняли!

И при чем тут Береговой?.. Самый обыкновенный парень на рядовой должности, говорят, у него мать больная...

А еще однажды Митрофанова оказалась у него в квартире с Маней Поливановой и Алексом Шан-Гиреем. Там, в этой квартире, было пусто и как-то залихватски молодо, что ли!.. Там был один-единственный стул, дорогуший компьютер, на полу матрас, из еды сетка с мандаринами и мешок сухих супов, а на окнах синяя строительная пленка, которую он почему-то не сдирал. Окна выходили на бесконечную, до горизонта, стройку и пустырь, и квартира эта решительно не походила на только что отстроенный Тадж-Махал и совсем не тянула на «хоромы и палаты», но очень ему подходила, у него и не могло быть никакой другой!..

Нет, интересно, а что она, Митрофанова, должна делать?! Вот сейчас, поздним мартовским вечером?! Добиваться свидания с заключенным? Выяснять обстоятельства и фамилию следователя?! Зачем этот самый Столетов к ней приехал?! На что он рассчитывал?! На какую-то помощь?!

Митрофанова поправила на плече сумку, поскользнулась и чуть не упала.

...И еще завез ее куда-то к черту на рога! Впрочем, не к черту и не на рога, а как раз в центр, но вернуться отсюда на ее тихую улицу не просто и не близко.

...И еще бросил одну в темноте на дороге!

Впрочем, можно ведь пойти и не домой! И если не домой, то тут совсем недалеко. До поворота рукой подать, а там немного вверх, к Бульварному кольцу и в переулок.

Заодно можно будет обсудить смерть Балашова, если этот полоумный Столетов ничего не напутал, конечно.

Ну?.. Да или нет?..

В ту самую секунду, когда Митрофанова повернула в другую сторону, ее жизнь тоже повернула невесть куда, только она еще об этом не знала.

Первым делом Поливанова похвасталась, что ее сегодня чуть не прибили до смерти на глазах у изумленной публики в книжном магазине «Москва».

Глаза у нее блеснули.

– Представляешь, Кать, этот книжный жулик выхватил нож – ну, правда, мне потом рассказали про нож, я сама не разглядела ничего! – ударил меня в бок...

– Ножом?!

– Типун тебе на язык, – отозвалась легкомысленная авторша детективных романов и махнула на Митрофанову рукой, в которой было зажато большое яблоко. – Кулаком он меня ударил! Кулаком! Между прочим, до сих пор болит и во рту горько. Он по печени меня ударил, сволочь! Тут я, ежу ясно, повалилась, а он меня схватил за шиворот, а мне показалось, что за уши, и так, что уши начисто оторвал! – Тут она посмотрела в старинное зеркало с потемневшей и растрескавшейся амальгамой, как бы проверяя, на месте ли уши. Уши были на месте. – И выволок на улицу. Еще он орал – «не подходить, я ее зарежу», и всякое такое. Как в кино. А потом он меня бросил и убежал. Ну, тут уж Марина подскочила и все остальные.

Поливанова вздохнула. Катя смотрела на нее.

– Коленки сильно ободрала, – сказала писательница тихо. – Бок болит. Пиджак выбросить, наверное, придется. Отвезу Викусе, она посмотрит, можно ли спасти. Джинсы точно не спасти, я их уже выбросила...

– Маня, не плачь.

– Я не плачу. Я испугаться-то как следует не успела, правда! Только непонятно, зачем нужно из-за книг, ты понимаешь, из-за книг, на людей бросаться и тыкать в них ножом среди бела дня!

– Маня, перестань реветь.

– Я перестала. А Маринка Леденева как перепугалась, ужас! У нее вместо лица был один сплошной испуг!

– Это невозможно, – заявила Митрофанова, чтобы как-то отвлечь писательницу от переживаний. – Леденева не может перепугаться. Она же Леденева! Не человек, а глыба льда, столп книжной отрасли, оплот Книжной палаты и железная леди книжного бизнеса в одном лице.

– Она даже потом заплакала. – Маня осторожно положила надкусанное яблоко на старинный прадедушкин комод. – Я ее утешала. Есть хочется, а во рту сплошная горечь. Не могу. Нет, главное, ведь из-за книжек! Он же мог меня убить, понимаешь? Просто взять и убить, потому что он вор и его поймали с поличным.

Она ушла в глубину квартиры и оттуда приглушенно сказала:

– Нет, странно это. Не вяжется. Вор – значит вор. Откуда у него оружие и... навыки? Он все это проделал очень профессионально.

Катя пошла ее искать.

– Что он проделал?

Маня в задумчивости стояла возле буфета. Видимо, хотела достать чашки и позабыла, зачем полезла.

– Толкнул охранника. Выхватил нож. Знаешь, таким движением... моментальным. И с ножом он точно умеет обращаться. Я даже не разглядела его, этот самый нож! И охранники не разглядели.

– И что это значит?

– Это значит, что вор на самом деле не вор, а бандит, причем хорошо подготовленный.

– А есть разница?

– Гигантская, – протянула Маня. – Огромная! Так, у нас с тобой на выбор виски двадцатилетней выдержки – это если мы хотим нахрюкаться, как свиньи. И шампанское «Вдова Клико» – если мы хотим разыгрывать приличных. Ты чего больше хочешь, нахрюкаться или разыгрывать?..

– Маня, ко мне сегодня приехал Дэн Столетов, помнишь, из журнала «День сегодняшний»?

– Приятель нашего Берегового, – кивнула Маня. – Он хотел взять у меня интервью?

– Он не хотел интервью.

– Так виски или шампанское?

– И Береговой не наш, – с нажимом сказала Митрофанова. – Он просто работает в нашем издательстве.

– Работает в нашем издательстве, следовательно, наш!..

Митрофанова вздохнула:

– Столетов мне сказал, что Береговой в тюрьме.

– Тю! Защищал девушку от злодеев?

– Убил Сергея Балашова. Ну, то есть неизвестно, убил или нет, но в его багажнике нашли труп.

– Какого Балашова? – спросила писательница Поливанова странным голосом.

– Того самого, Маня. Из телевизора.

– Что ты несешь?! Этого не может быть. Этого просто не может быть!

Растерянным движением Поливанова взялась за голову, взлохматила и без того расстроенную прическу, сняла и надела очки.

– Я должна позвонить. Где мой телефон? Я должна позвонить.

Она вышла и через секунду вернулась – без телефона.

– Я должна позвонить.

– Вон телефон, Манечка. В буфете. На средней полке, где чашки, видишь?.. – И тут только Митрофанова догадалась! – Ты его знала, да?..

Этот вопрос можно было не задавать.

Писательница Поливанова – псевдоним Марина Покровская – была любимой гостьей всех телевизионных и радишоу без исключения. Она легко говорила на любые темы, смешно шутила, никогда не капризничала, дружила с ведущими и редакторами, отлично понимая их тяжкую долю. Очень трудно назвать «звезду» на какую-нибудь сомнительную или щекотливую тему, вроде пластических операций или поздних родов. Никто не хочет признаваться в излишней любви к пластической хирургии, зато всем хочется, чтобы их роды были исключительно ранними – «Вы знаете, я родила очень рано, совсем девчонкой! – Да, мы знаем, вам к тому моменту исполнилось всего сорок два!». На политические темы вообще никого не заманить – опасно. Скажешь сегодня что-нибудь эдакое, заковыристое, интересненькое, бравое, а завтра окажется, что заковыристое и бравое никак не укладывается в генеральную линию, и что тогда делать?.. Марина Покровская умела выходить из любых положений и соглашалась рассуждать на любые темы, и к выступлениям своим всегда старательно готовилась, и у нее получалось выступать!

Конечно, она знала Балашова, как же иначе?!

Неуверенным движением, как будто сомневаясь в том, что это нужно сделать, писательница Покровская достала из буфета свой телефон и нажала кнопку.

– Сережа? – спросила, когда ответили, и по лицу ее было совершенно понятно, что она не ошиблась, и точно знала, что ответил ей не Сережа, но до этой, последней, секунды надежда все-таки оставалась. – Это Марина Покровская, писательница. Извините, с кем я говорю?..

Она долго слушала, что ей вещала трубка, и, кажется, так и не дослушала.

– Говорят, погиб, – зачем-то объяснила она Кате. И усмехнулась: – При невыясненных обстоятельствах...

Митрофанова изо всех сил сочувствовала ей, так что у самой слезы на глаза навернулись.

– Мань, ты с ним дружила? Да?

– Маму к врачу устраивала. У него чудная мама. Еще он хотел собаку и советовался со мной. Я сказала, что самая лучшая собака – это ирландский волкодав, потому что похож на лешего, а не на собаку. Он хохотал ужасно. Я должна была к нему в программу пойти в четверг. У него там что-то про Восьмое марта, но говорить непонятно что, потому что вроде все сказано, а шутки про Клару Цеткин и Розу Люксембург всем надоели!..

Маня опять потеряла лоб странным, беспомощным движением.

– В четверг программа, а его убили. Так. А при чем здесь Береговой?..

– Дэн Столетов сказал, что труп... что Сергея Балашова нашли у Берегового в багажнике. Вернее, не нашли, а он сам его привез в отделение милиции. То есть полиции.

– Береговой убил Балашова?!

Митрофанова пожала плечами:

– Получается так.

– Да ничего не получается! – заорала Маня Поливанова. – Этого просто не может быть, потому что быть не может! Они даже не знакомы!

– Откуда ты...

– Оттуда! Это бред, понимаешь?

– Но Берегового посадили.

– Куда его посадили? Матерь Божья, что ты говоришь, Митрофанова?!

– Что знаю, то и говорю! Мне так Столетов сказал! Берегового посадили за убийство Балашова! Столетов специально сегодня ко мне приехал, чтоб его спасти! Береговой никого не убивал, а на него сейчас повесят убийство!

– Так, – опять сказала Поливанова и вцепилась в свою многострадальную прическу. Глаза у нее горели лихорадочно. – Так. Это все никуда не годится. Бред и чепуха на постном масле. В этом нужно разбираться. Прямо сейчас.

– Кто будет разбираться, Маня?! – закричала Митрофанова. – Мы с тобой?

Гренадерским шагом писательница уже маршировала мимо, а тут приостановилась и прищурилась.

– Ты же за этим и пришла, – сказала она, внимательно глядя на Митрофанову. – Ты пришла, чтобы как-то спасти Берегового. Ты хоть себе-то не ври, Катька!..

Человек, поднявшийся из-за стола, раскинул руки, словно примериваясь обнять обеих, но обнял только Поливанову.

– Манюнечка! Овца драная! Как давно я тебя не видел и не... осязал!

Тут он так стиснул рослую и фигуристую Поливанову, что та взвизгнула, как горничная, которую в темной передней прижал бравый поручик. Маня зарделась. Человек, не отпуская, повертел ее и так и сяк, порассматривал очень близко, объявил:

– Подходяще! – и опять стиснул.

Екатерина Митрофанова – женщина современная, культурная, хорошо воспитанная и подкованная в вопросах феминизма, – стояла ни жива ни мертва.

– Это моя подруга Катя, – чуть задышавшись и поправляя сбившиеся очки, представила Маня Поливанова, – а это полковник Никоненко Игорь Владимирович. Гений сыска и по совместительству участковый уполномоченный Анискин. Но ты не расслабляйся. Анискин он не всегда, а только когда ему охота или для дела нужно.

– Здравствуйте.

– Здравия желаю. Да вы проходите, не стесняйтесь!

Кабинет был крошечный, полутемный, горел только нелепый торшер и лампочка на столе, тени корчились в углах.

Писательница Поливанова прошла и села в облезлое дерматиновое кресло. Митрофанова настороженно осталась стоять.

– Как тебя теперь величать-то, Игорь Владимирович? В свете новых веяний? Господин полицейский? Или нет, нет, вот мне нравится: офицер! Чтoб уж совсем по-американски! Офицер, верните мои права! Или еще так: офицер, что вы делаете у меня под юбкой?!

Полковник зажег в кабинетике свет, сразу стал виден казенный неуют, хлам на подоконниках, засохший цветок в нелепой пластмассовой стойке и облезлый несгораемый шкаф – куда ж без него!..

– А я вот как думаю, – сказал он, плюхнулся на свое место и покрутился туда-сюда, – я так думаю, раз уж у нас новые веяния!.. А новые веяния – это хорошо забытые старые, да? Значит, называй меня просто – ваше высокоблагородие! И точка! А вы чего там стоите, как поповна на именинах у архиерея, подруга Катя? Вы не стесняйтесь, проходите, располагайтесь! У нас, может, особенной красоты и нету, но зато везде чисто, тетя Вера только сейчас протирала, а то, если брезгуете, можно газетку подстелить.

– Когда полковник Никоненко такие песни поет, – вступила Поливанова, – когда он такие песни поет, а смотрит на тебя, как будто рентгеном просвечивает, и если еще при этом про свою собаку Бурана речь заводит, это значит, он сейчас участковый уполномоченный Анискин, и в этот момент тебе полную оценку дает!

– Ой, да куда там оценки давать! – И полковник горестно подпер рукой щеку с пролезшей пиратской разбойничьей щетиной. Ладонь была широкой, пальцы длинными. – Нам бы хоть текучку разгрести, а то ведь замучила, текучка-то! Молодое поколение на смену идет, что мы ему оставим?! Одну бумажную волокиту, да еще не разобрannую, как тому следует быть! Не похвалит нас молодое поколение-то, ох не похвалит! А в свете новых течений и преобразований нашей повседневной жизни всех за штат вывели, а куда потом введут – это еще большой вопрос! И представляет он собой, я бы сказал, умозрительный интерес, потому как я твердо

решил, что на пенсию пора! Поздно нам с Бураном туда-сюда метаться! Куда нас с Бураном вводить, когда мы с ним уже в ветераны вышли, и дело наше деревенское – грядки да удочки!..

Тут полковник Никоненко вдруг перестал болтать, поднялся, очень высокий, почти как Владимир Береговой, рывком выдернул из-за спины стул и поставил перед Митрофановой.

У него были очень внимательные и очень темные глаза.

Пожалуй, если б не Поливанова, веселившаяся рядом, Катя бы его испугалась.

– Это я про того Бурана толкую, – продолжал необыкновенный полковник, вернувшись на свое место и опять по-бабьи подпершись ладонью, – который старого Бурана родный сын. Старый-то Буран уж давно издох, но пожил, надо сказать, знатно! Четырнадцать годков с половиной прожил старый-то Буран и помер, когда соседскую суку Альму... того... оприходовал. Прямо на ней и помер!..

Поливанова хохотала в голос, а полковник был торжественен и немного печален.

– Вот нового Бурана, Альмы сынка, в честь отца и назвали! В честь отца и беспримерной жизни его и смерти, достойной каждого настоящего мужчины.

– Анискин, – объявила Поливанова, как бы призывая подругу разделить ее восторг, – я ж тебе говорю, Анискин!

– Так что сам я на пенсию, на пенсию выхожу! – И полковник длинно вздохнул. – Стар стал и немощен. Не гожусь в дело.

На вид ему было лет тридцать восемь.

– Половлю рыбку, летом в Астрахань с мужиками подамся, а к осени устроюсь вратарем куда-нибудь, авось возьмут. Мань, там, в издательстве вашем, вратари не нужны, не знаешь?..

– Почему вратарем? – не утерпела Митрофанова.

– А кем же еще?

– Вы... спортом занимаетесь?

– Он говорит, что будет охранником на воротах, – перевела Поливанова с удовольствием, – то есть вратарем!.. Ну что? Закончил свое сканирование?

– Да тебя чего сканировать, жаль моя!.. Сидела ты дома, как пить-дать, ахинею свою писала, когда подруга твоя на пороге нарисовалась...

– А вот и не писала я ахинею!

– Значит, в окно глядела, вся в печали! А в печали ты пребывала, потому что приложил тебя сегодня кто-то. Серьезно, между прочим, приложил!

Тут вдруг полковник заговорил совершенно иным тоном, как будто в раздолбанном вертящемся кресле на его месте появился новый человек, деловой, раздраженный и недовольный. Митрофанова уставилась на него – нет, на вид все тот же!..

– А я тебе сто раз говорил – найми охранника! Говорил? Или не говорил?

– Игорец...

– Не Игорец, а ваше высокоблагородие! Лезешь вечно незнамо куда, и тебя каждая собака в лицо знает!.. А ненормальных пруд пруди! Где тебя хоть приложили-то?

– В книжном магазине «Москва».

Тут он удивился:

– Чего это они недоглядели?..

– Ты мне лучше скажи, ваше высокоблагородие, а ты откуда знаешь, что меня сегодня... приложили?..

Он махнул рукой:

– Царапина за ухом, свежая совсем. Когда я тебя щупал, ты за бок схватила и поморщилась, больно я тебе сделал. И очки на одну сторону скособочились, а поменять ты их не догадалась, конечно. Если б вчера приложили, ты бы утром на себя в зеркало посмотрела и увидела очки скособоченные!.. А сегодня тебе среди дня в зеркало смотреть резону не было – ты утром уже это делала, чего там опять рассматривать! Я же тебя всю жизнь знаю!

Тут он повернулся к Митрофановой и объяснил, опять поменяв тон:

– Манин дедушка в Сафонове домик держал. Как раз через улицу от нашего. Манин-то дед ученый инженер был, а мой-то все больше плотник. И моя бабушка Женя Маниной бабушке Антонине Федоровне по дому помогала, когда Маня только родилась и в коляске в палисаднике спала. Помню, марлицей такой ее занавешивали от комаров, а мне все интересно было, что там такое! Я тогда еще не знал, что это Маня!.. Ну, и потом тоже!.. Так что мы с ней, считайте, с рождения вместе. – Он вздохнул, как бы отдавая должное ностальгическим воспоминаниям. – Чаю, может, согреть? Он, конечно, паршивый, чай-то, но все лучше, чем всухую сидеть! А ты чего на ночь глядя приехала, Манюня? Хочешь, чтоб я злодея нашел, который тебе по печени съездил?..

– Ты что, Игорек, ваше высокоблагородие, то есть! – возмутилась Маня. – Стану я из-за такой ерунды ездить!..

– Вот и я говорю, не станешь! Тогда что случилось? Или у подруги несчастье? – Он вдруг повернулся всем телом, и его темные глаза вцепились в Митрофанову. Вцепились и не отпускали. – Она-то к тебе прямо из спортзала прибежала! И сумку, вон, в реке купала! Вы зачем сумку в реке купали, уважаемая?..

– Я уронила, не купала я ничего...

– В реку уронили? – уточнил полковник.

– В лужу...

– Глубокая была лужа, видать.

– Сергея Балашова убили.

Это Маня сказала, и Никоненко кивнул, очень серьезно.

– Я знаю. Ты из-за него приехала?.. На ночь-то глядя?

– Из-за него, Игорь.

Он вздохнул, на этот раз совершенно по-человечески.

– У тебя с ним амуры, что ли, были?

– Амуров у меня с ним не было никогда, но я его знала. Довольно хорошо. Особенно мы не дружили, он всегда занят очень, в Москве его не застать... было, и у меня дел полно, но тем не менее...

– Тем не менее, – повторил полковник Никоненко. – Тем не менее... Может, чаю?.. Ты из-за трупа приехала или все же из-за подозреваемого? Там подозреваемый как раз в вашем издательстве «Прогресс» работает!

– «Алфавит», – подсказала Митрофанова, вся подавшись вперед.

Трудно объяснить, но до самой последней минуты происходившее в этот странный вечер казалось ей... нереальным. Ну, как будто она смотрит спектакль. Действие развивается, куда-то поворачивает, она то сочувствует, то негодует, то печалится, но вот сейчас зажжется свет, дадут занавес, актеры выйдут на поклон, и все закончится.

Ей казалось так все время – и когда Дэн Столетов рассказывал какую-то чушь про Берегового и труп в багажнике его машины, и когда выбросил ее на мостовую. И когда шла под дождем, и когда разговаривала с Маней, и даже когда та приволокла ее в неприметное серое здание в центре Москвы, где были погашены огни и только в коридорах горели лампы, и им очень долго выписывали пропуска.

Теперь, когда необыкновенный полковник обыкновенным голосом произнес обыкновенные слова «подозреваемый» и «издательство», связав их друг с другом, и еще с ними, Митрофановой и Поливановой, весь нынешний вечер обрел... реальность.

Спектакль кончился, «занавес дали», только актеры не вышли на поклон – и не выйдут, потому что актеров никаких нет, есть нормальные, живые люди, попавшие в спектакль, и она, Митрофанова, одна из них.

«Кланяйтесь драгоценной Марье Ивановне», как любит выражаться писательница Покровская!..

– Дело громкое, – заявил полковник, – а будет еще громче, как только в телевизоре заблажат!.. На всю страну дело. Одно хорошо – все на месте. Труп и злодей готовый. Так редко бывает. Это всем нам повезло очень. Ну, в смысле, искать никого не надо.

– Игорь, подожди...

– Ты чего приехала, Маня? – очень душевно спросил полковник Никоненко. Так душевно, что у Кати Митрофановой по спине прошел холод. – Ты приехала мне по ушам ездить, что этот ваш, из «Прогресса», не виноват ни в чем?

– Не виноват, – твердо сказала Поливанова. Ласковый тон полковника ее нисколько не напугал.

– А ты откуда знаешь?! Оттуда, что он человек хороший, папу-маму любит, зарплату на наркоту не спускает и в подъезде лампочки не бьет? Все эти песни нам, сыскарям бесчувственным, известны хорошо, мы на них выросли, можно сказать, как пионеры Советского Союза на песне «Солнечный круг, небо вокруг»! Ты хоть можешь себе представить, что начнется, когда убийство это гребаное телевизор покажет?! Нет, ты можешь или не можешь?!

– Я-то могу, – твердо сказала Поливанова, – а вот ты можешь себе представить, что Владимир Береговой, обыкновенный компьютерщик из самой обыкновенной жизни, взял да и зарезал... или... как его убили?..

Никоненко фыркнул выразительно и pokrutil головой на манер собаки Бурана, сына того самого Бурана, который прожил четырнадцать достославных лет.

– Ну, хорошо, хорошо, не хочешь, не говори, но ты только себе представь! Владимир Береговой сидит с утра до ночи в своем отделе, чинит всем компьютеры, и мне в том числе, и еще на дом работу берет, ему за мать платить нужно, она у него в больнице который месяц, я знаю! И вот этот Береговой вдруг бац – и убивает телевизионную звезду первой величины! После чего засовывает труп к себе в багажник и сам себя сдает вам, ментам. Красиво?!

– Мы больше не менты.

– Тогда, выходит, понты! От слова «полиция»! Вы теперь понты?

– Мань, чего ты меня сейчас лечишь, а?.. Вот ты сию минуту чего от меня хочешь, а? Только не говори – честного расследования! Не будет никакого честного расследования, поняла?! И я тут ничего поделать не могу. Дело, считай, закрыто. Преступник пойман доблестной милицией, полицией то есть! Пойман с поличным! – Он вытянул длинную руку и погрозил Поливановой пальцем: – С по-лич-ным! Ну, может, не совсем с поличным, злодей сам сдался, но это дела не меняет.

– Слушай, ваше высокоблагородие, – прищурившись за перекосившимися очками, выговорила Мария Поливанова. – Ты ж никогда не был идиотом. Ты и высот-то таких достиг, потому что не идиотничал никогда и попусту никого не хватал и в острог не кидал!

– Ты тоже вроде не идиотка. Ты ж должна понимать, что к чему! Не будет твоему компьютерщику никакого снисхождения, пока тот, кто *на самом деле* убил Балашова, не придет и вместо него в КПЗ не сядет! Поняла?..

Маня широко улыбнулась:

– То есть, *на самом деле* Береговой Балашова не убивал?

– Я сказал, а ты слышала.

Поливанова подумала несколько секунд.

– Тогда говори, как есть.

Никоненко посмотрел на нее, потом на Митрофанову, непонятно и загадочно усмехнулся и заявил, что «чаю хочется страсть как, и вообще время позднее, пора по домам».

После чего как-то моментально собрался, покидал в портфель бумаги, подергал сейф – закрыто, – смешно округлил глаза на засохший цветок в подставке, суетливо подбежал к нему,

поискал, чем бы полить, и полил остатками чая из большой щербатой кружки. Оттуда капнуло три капли и вывалился ком заварки. Полковник сокрушенно покачал головой, выковырял заварку из цветка, обтер палец о борт кружки, сунул ее на соседний стол, погасил колченогий торшер и предложил дамам «покинуть кабинет».

Дамы покинули.

Митрофанова ничего не понимала.

Длинными коридорами и нематыми лестницами все втроем они выбрались на улицу, но не там, где заходили, а с другой стороны.

– Хорошо-то как! – объявил полковник Никоненко, глубоко втягивая сырой холодный воздух, пахнувший весной и бензином, и объяснил Митрофановой доверительно: – Моя машина с той стороны, и неохота мне, чтоб видели меня в вашей замечательной цветущей компании! Водитель жене моментально доложит, у них в этом смысле все четко отработано! А жена больно ревнивая. Ох, ревнивая у меня жена!.. Вот почему так выходит, что не ревнивых жен не бывает?! Да и чего меня ревновать, когда я день и ночь на работе из сил выбиваюсь и на шуры-муры-пассатижи у меня и сил-то никаких нету!..

После такой тирады он схватил Поливанову за задницу, и та игриво взвизгнула.

Митрофановой стало противно.

– Пройдемся немножко, – предложил Никоненко. – Можно бы в кафе, да там все... свои. Такие же, как я, конспираторы. А можно до угла дойти, там тоже кафе, но законспирированных меньше.

– Пошли до угла, – решила Маня и взяла его под руку.

– Ну, значит, дела парня плохи. Что не он убил, всем понятно. Непонятно, кто убил, а блажить сейчас начнут все! Все-е-е! И телевизор, и радио, и наше начальство, и начальство начальства, а там уж и до особого контроля недалеко. Ни под какую подписку, расписку, записку до суда его никто не выпустит. Только если настоящего найдут, а искать особо никто не будет. Это по-тихому надо делать...

– Почему по-тихому? – не выдержала Митрофанова. Она телепалась позади фланирующей «под ручку» парочки и сунулась поближе, чтобы лучше слышать.

– Потому что по официальной версии преступник задержан и содержится под стражей, – объяснил полковник, не оборачиваясь. – Чего искать-то? Вчерашний день?..

– Но вы же сами говорите...

– Я?! – Полковник Никоненко так поразился, что даже остановился, и Митрофанова чуть не ткнулась в него носом. – Манюня, жаль моя, разве я сейчас что-нибудь говорил?! Разве я хоть одно слово произнес?! Я молчу, как рыба об лед, после тяжелого трудового дня! И гуляю я здесь только за ради моциона, и чтоб водитель мой меня не засек и жене не вякнул, что я сразу двух красивых на улице подцепил! Ведь так дело обстоит, Манюня?!

– Истинно так, ваше высокоблагородие!

– Тогда, выходит, я и дальше молчать стану. Не сходится там ничего. Ну, вот как нарочно ничего не сходится! Этот компьютерщик показывает, что нашел тело у себя в машине, когда зачем-то на МКАДе остановился и в багажник полез. Обнаружил тело и прямым ходом в отделение попер. Сделал два звонка с мобильного. Один в милицию...

– В полицию, – подсказала Катя, и писательница Поливанова сердито на нее шикнула.

– А второй приятелю. Сказал, что нашел тело и везет его в отделение. Приятель, журналюга, кстати, в отделение приехал чуть не раньше него, шумел там, требовал адвокатов и всякого такого, но показания у него, слава те господи, взяли и под протокол записали. Согласно показаниям журналюги, он попросил подозреваемого завезти Балашову журналы в его загородный дом. И дал адрес дома в поселке. Поселок, ясное дело, не простой, а золотой. Подозреваемый оттуда звонил, и распечатка звонков с его мобильного это подтверждает. Со слов журналюги, звонил, чтоб сообщить, что пакет оставил, но дома никого нет. Все двери открыты, и

кругом пусто. Сам подозреваемый под протокол талдычил то же самое. Машину, мол, не запи-
рал, зашел в дом, понял, что никого нету, положил там где-то журналы и вернулся. В багажник
не заглядывал, конечно, сел и поехал, а на МКАДе остановился. Хотя какого лешего он оста-
навливался, я так и не понял, если честно. А это важно.

– Важно, – подтвердила Поливанова.

Она слушала очень внимательно, подавшись к полковнику, который шествовал нетороп-
ливо. Они дошли до угла и повернули обратно. Митрофанова плелась за ними.

– Но все эти рассказы, Манюнечка, жаль моя, на поверку оказываются гнусной ложью
и обманом следствия.

– Как так?!

– Все это время в доме у Балашова были гости, что подтверждается камерами, которые
в этом самом доме везде понатыканы! Никто никаких журналов не привозил! Веселились там
вовсю, шумели, пели, плясали, хороводили, все соседи слышали! Ждали Балашова, который
должен был вот-вот подъехать. И не дождались.

– А на улицах камеры есть? В непрестом-золотом поселке?

– Умница ты моя. Ну, прям как Буран, а Буран, я считаю, профессора уж переплюнул и
до академика только самую малость не дотягивает! Есть камеры на въездах-выездах. На улицах
раньше тоже вроде были, но потом один конфуз у них там случился, и общим собранием прав-
ления решено было камеры того... ликвидировать. Короче, один семьянин образцово-пока-
зательный, защитник прав и свобод, крестный папа всех детей в округе, своей подруженции
душевной на другой стороне поселка домик снял. Супруга с чадами и домочадцами справа
обреталась, а подруженция слева. Он к ней на своей машине никогда не ездил, для этой цели
другую купил, на помощника оформил. Когда домой, въезжал всегда через одни ворота, а как
к подруженции, то через другие, и жили они долго и счастливо, а потом он... расслабился
маленько. И стал пешком к ней наяривать. А чего там идти-то, и близко, и удобно! Ну, в общем,
тут подруженция и решила, что самое время настало ему на ней жениться. Образцовый папа,
конечно, в отказ пошел. Чего это ему на ней жениться, у него и так все шоколадно!.. А она
ему ррраз!..

Тут полковник остановился и сделал пируэт вместе с Маней. Маня неуклюже поворо-
тилась.

– Ррраз – и записи с камер! А на камерах все отображено в достоверности, и как приез-
жал, и как приходил! Это она начальника охраны задобрила, он ей записи все отдал! И приклю-
чился скандал в благородном семействе на всю ивановскую! В общем, охранника в шею, папа
оттуда съехал, подруженция тоже куда-то подевалась, а мужики местные на собрании колхоза
порешили от греха подальше камеры с улиц-то поубирать! Мало ли кто куда ходит! Они все,
может, ходят, так глядеть теперь, что ль, на это?..

– Короче, нет на улицах камер.

– Нет. А вот та камера, которая на въезде, машину компьютерщика зафиксировала. И
номера ее у охраны были. Помощница Балашова звонила и предупреждала, что приедет курьер,
привезет журналы. И номер машины указала. Он заехал, все честь по чести, а через двадцать
минут вылетел, как ошпаренный, и помчался в сторону Москвы. Где, я тебя спрашиваю, он
все это время был и что делал, если журналы так и не привез?..

– А он сам что говорит?

– А все то же самое и говорит. Был, говорит, в доме Балашова, там, говорит, не застал
никого, оставил пакет, и тью-тью.

– На это двадцати минут много. И у Балашова гуляли гости!.. Зачем врать, что дом
пустой?..

– Умница-а-а ты моя-я-я! Ну, чистый Буран! Вот я его, Бурана, к примеру, спрашиваю: «Ты почему, Буран, не говоришь, а? Ты когда заговоришь словами человеческими?» А он мне на это отвечает...

– Отстань ты со своим Бураном, ваше высокоблагородие!..

– То есть ты улавливаешь, что двадцать минут эти он куда-то употребил, и похоже, как раз на убиенного!.. И вот тут начинаются нестыковки не просто какие-нибудь. Офигенные нестыковки начинаются.

Полковник остановился и взял Маню за пуговицу пальто.

– Если он его убивал в поселке, то где?.. Под чьим-нибудь чужим забором? Весь этот поселок, будь он неладен, сплошные заборы! Если не в поселке, то зачем его туда понесло? С трупом в багажнике понесло, заметь, потому что после выезда из поселка убивать ему было уже некогда. Он со МКАДа в отделение звонил, а до этого все время ехал, на МКАДе-то камеры никто не отменял! Если он не убивал в поселке, но все-таки там был, то где именно был?! Раньше он никогда туда не наезжал, мы все охранные файлы подняли, начиная от царя Гороха!

– Даже я туда никогда не наезжала, – призналась Маня.

– Если б ты там была хоть раз, я б тебя вызвал сразу! – Полковник Никоненко помолчал. – А дальше вообще чертовщина, Манюнечка. Допустим, компьютерщик Балашова убил. Допустим, пистолет где-то сбросил. И труп в багажник запихнул. Только вот главный вопрос современности остается – зачем?!

– Есть еще один главный вопрос современности, – задумчиво проговорила Поливанова. – Если Береговой все это проделал, зачем сдаваться поехал? Вот это – зачем так зачем!

– Вот и получается, что единственное логичное объяснение – та чушь собачья, которую он несет, понимаешь?.. Открыл случайно багажник, там труп, он его повез в полицию. Станция Березай, хошь не хошь, вылезай.

– Но в поселке-то он был.

– Вот именно. Есть еще одна штука. Совсем не в коня, не в Красную армию.

– Постой, дай угадаю, – предложила писательница Покровская, как будто все это веселая игра, продолжение того спектакля, что смотрела Митрофанова весь вечер, или детектив, который она сочиняла на ходу. – Береговой не знает, из чего был убит Балашов. Так?

– Хуже. Он не знает, *как именно* был убит Балашов! Все твердит про какую-то рану на голове, а убили выстрелом в сердце, почти в упор. – Тут Никоненко махнул на Маню рукой. – Да, да, не встревай!.. Пороховых следов на одежде компьютерщика никаких!.. И если бы не «громкое дело» и не «особый контроль», пришлось бы нам твоего приятеля выпускать без разговоров. Поняла, Манюнечка?..

Поливанова шла молча, раздумывала. Один раз поскользнулась, и полковник бережно поддержал ее под локоть. Про Митрофанову они словно забыли.

– Так что если хочешь спасать – спасай, – через какое-то время сказал Никоненко и сильно, по-лошадиному вздохнул. – Но меня в это дело не впутывай. Я тебе не помощник.

– Опять врешь, ваше высокоблагородие! Ты мне все выложил, для этого на улицу специально потащил, ты знаешь, что Береговой не убивал, и говоришь – не помощник!..

– Как хочешь, так и понимай. Мое дело сторона. Я летом в Астрахань с мужиками наладился, а там посмотрим.

– А если я тебе настоящего убийцу за хобот приведу, – живо спросила Поливанова, – ты его на Берегового поменяешь?..

– Да где же его взять, настоящего-то?! Ты сейчас, конечно, в самодеятельность ударишься, тебя хлебом не корми, дай спасти урода какого-нибудь, но самодеятельности твоей грош цена, а из профессионалов тебе никто помогать не станет, точно говорю. Дело уж больно громкое выходит, и закрывать его надо по-быстрому, чтобы, не дай бог, до каких-нибудь заяв-

лений президента или премьера не дошло! А вместе с делом и этого твоего компьютерщика закроют всерьез и надолго.

– Но это же... ужасно! – Это Митрофанова выкрикнула ни с того ни с сего, и они оба на нее оглянулись.

Никоненко пожал плечами, повернулся и пошел. Маня вышагивала рядом, задумчиво смотрела в лужи. В лужах дрожали огни.

– Посоветуй мне что-нибудь, Игорь.

– А тут только один совет. Начинай в падучей биться.

– Что это значит?

– А то и значит, – медленно выговорил полковник Никоненко. – Хватай журналюгу, который тебя по тревоге поднял, и начинайте всю эту канитель, которую вы так обожаете!.. Требуйте честного расследования, полной прозрачности следствия, требуйте, чтоб все по закону! Правозащитников каких-нибудь подключи, поголосистей. Пусть напирают на подтасовку фактов, на то, что дело сфабриковано и грамотный адвокат его в два счета развалит! На то, что справедливость в нашей стране только для избранных, а для простых людей беззаконие и мрачные застенки.

– И что это даст? – живо спросила Маня.

– Время. Не много, но даст. По крайней мере, быстро закрыть дело не удастся. А пока журналюги будут вопить и слюной брызгать, можно попытаться найти того, кто убил Сергея Балашова. Если заодно доказательства грамотно собрать, есть шанс твоего приятеля вытащить. Но, сама понимаешь...

– Да, да! – отмахнулась Маня. – Помогать никто не станет, и вообще лучше не ввязываться!

В молчании они обошли неприметное серое здание, перед которым дремали немногочисленные грязные машины, приткнутые кое-как. Должно быть, днем они стояли густо и плотно, к ночи поразъехались, и оставшиеся торчали неровно и в разные стороны, как кривые зубы.

Одна из машин, самая большая и самая грязная, радостно подмигнула при их приближении, полковник подошел, открыл дверь, просунулся внутрь и запустил двигатель.

Никакого водителя за рулем не было.

– Пусть погрееется маленько. А твоя где?..

Маня подбородком показала, где именно.

– Заехала бы как-нибудь, – сказал полковник тихо. – Я бы баню истопил. Посидели бы, поговорили, как люди. Вы бы с Алиной свои бабские дела перетерли! Ей со мной тоже, знаешь, не масленица!.. Она натура тонкая, возвышенная, а я пень в погонах.

Маня Поливанова покивала, глядя ему в лицо. Двигатель урчал тихонько, ласково, и она подумала, что машине, как и хозяину, очень хочется домой, в Сафоново, где вздыхает на крыльце замечательная собака Буран, где с крыш вовсю капает, где пахнет талым снегом и печным дымом из труб, где «тонкая и возвышенная» полковница ждет не дождется своего полковника с работы, присаживается боком к круглому столу, покрытому льняной скатертью, отщипывает рассеянно куски от свежего батона, а поужинать без него ей даже в голову не приходит!..

Маня сочувственно поцеловала Никоненко в щеку, и он полез в машину.

– Адвоката найми, – велел он оттуда. – Лучше всего с именем, зубастого и матерого. Сама не справишься. Поняла?..

Она опять покивала.

– На работу мне не звони.

– Ладно, не маленькая!..

– Я тебе запасной номерок скину, по нему можешь наяривать!

– Не буду я тебе наяривать!

Он захлопнул дверь, тихонько тронулся, вырулил, а с места взял лихо, по-гусарски, и перед поворотом еще помахал им рукой.

– Маня, – спросила Катя Митрофанова, когда тормозные огни его крокодилистой машины мигнули в последний раз и пропали, – куда мы с тобой влипли?..

– Мы-то пока никуда, – задумчиво ответила писательница. – Мы пока еще только собираемся влипнуть. А вот Береговой, похоже, по самые уши!.. Чего мы с тобой Анне Иосифовне врать-то будем?..

Алекс вышел из зала прилета и – что ты будешь делать! – привычно поискал глазами Маню. Встречая его, она обычно прилипала носом к раздвижным дверям, оказываясь таким образом практически на передовой – вместе со скучными безнадежными тележечниками и таксистами, тяжеловесно и назойливо предлагавшими свои услуги: «До Москвы поедем? Поедем до Москвы? Тыща до метро, до центра три!»

Нет никакой Мани. Он не хотел, чтобы она его встречала. Даже целую теорию выстроил – он свободный человек, и она свободный человек, и все люди в общем и целом свободны, и нет никакой необходимости срываться в середине дня или с утра пораньше, что еще хуже, просто чтобы довести его из аэропорта до квартиры.

На этот раз он поедет в собственную квартиру – это тоже он решил заранее.

– Ну что ты вредничаешь? – спросила Маня грустно, когда он объявил и про квартиру, и что встречать не нужно.

Он уверил ее, что нисколько не вредничает, и объяснил что-то про свободу и про то, что у всех людей, и у него в том числе, есть – по крайней мере, должны быть! – свои собственные дела и занятия.

Свободные люди-таксисты осаждали его сейчас со всех сторон.

– Машину надо?.. В Москву надо?.. Прямо у выхода машина, двадцать минут – и в центре! За две тыщи!.. Поедем?..

У них у всех бегают глаза, подумал Алекс. Они не могут смотреть прямо. Вот это интересно.

Его встречал водитель, присланный Анной Иосифовной, высокий дядька с солидной табличкой «Алфавит» на лакированной деревянной палке – никаких тебе мятых файловых папок с засунутыми в них листочками с невнятными фамилиями, вроде «Орхипав», что, судя по всему, должно означать Архипов, и странными названиями, типа «Гипрорыбстройинвестпроект». Встречаемые в растерянности водили глазами по этим самым мятым папкам и листочкам, и прилетевший Архипов ну никак не мог догадаться, что этот самый «Орхипав» – он и есть!

Алекс в последнее время на всякие сценки «из жизни аэропорта» почти не обращал внимания – Маня всегда встречала и моментально заполняла собой всю его жизнь!

Они целовались, как студенты после разлуки длиной в вечность, растерянно смотрели в глаза и поминутно спрашивали друг друга: «Это ты?», и куда-то шли, и останавливались, чтобы еще поцеловаться, и потом оказывалось, что шли они совсем в другую сторону!..

– Александр Павлович?

– Да.

Водитель сунул табличку с палкой под мышку и перехватил у него саквояж.

– С возвращением.

– Спасибо.

Водитель пошел вперед, как бы указывая Алексу дорогу, которую тот и сам прекрасно знал, но, видимо, так было положено по этикету.

– Как долетели?

– Прекрасно.

– Какая в Париже погода?

Позволив себе такую вольность в обращении к «звезде», водитель приостановился и взглянул вопросительно – можно ли?..

– Отличная, – улыбнулся Алекс, допустив изменение тона с совершенно официального на официально-дружеский. – Солнце, и тюльпаны уже расцвели.

– А у нас все зима никак не кончится, – весело заявил водитель. Вот и хорошо. «Звезда» оказалась вполне вменяемой, даже поговорить можно!.. – Снег каждый день валит, как в декабре. Сюда, пожалуйста.

– Вы Алекс Лорер? Или я ошибаюсь?

Алекс помедлил и обернулся.

Девушка, окликнувшая его, улыбалась очень радостно, пожалуй, даже ликующе.

– Это вы, да? Я же ничего не путаю? Я не могу перепутать, я все ваши книжки прочитала! Как говорится, запоем! Честно, запоем!..

Девушка казалась смутно знакомой, и он рассеянно вспоминал, кто это может быть.

– Вы так пишете, что это... балдежно пишете, как говорится! Мне в Париже сказали, вы теперь во Франции живете, а в Москве проездом, да?..

Водитель с его саквояжем, приостановившийся в некотором отдалении, на всякий случай подошел поближе.

– Здравствуйте, – сказал Алекс, решив, что самое время поздороваться.

– Здравствуйте! – весело откликнулась девушка. – Как я рада, что вас встретила! Вы мне так нужны!

– Я?! – поразился Алекс.

– Ну конечно! Это просто судьба! Вы верите в судьбу?

В судьбу Александр Шан-Гирей, писавший свои романы под псевдонимом Алекс Лорер, верил, но решил покамест девушке об этом не сообщать.

– Я думала о вас! Представляете? Я как прочитала последнюю книгу, так сразу и поняла, что вы именно тот человек, который мне нужен! Вы, и никто другой! Вот же, вот!.. – И она жестом фокусника, достающего кролика из шляпы, извлекла из сумочки потрепанную книжечку. – Я ее почти до дыр зачитала!

До сих пор вид собственной книжки в руках у совершенно чужих людей приводил его в трепет. Вот же книга, самая настоящая, и его фамилия на обложке!.. И выглядит так солидно и по-настоящему: Алекс Лорер, «Очень странная история», и картинка красивая, и переплет удачный.

Он на секунду закрыл глаза.

...Всего этого могло не быть. То есть вообще не быть! Его самого могло не быть – в конце концов, писателя Лорера долгое время не было на свете, хотя в природе он существовал.

Существовал кое-как – ел, пил, спал, болел, искал работу и даже иногда находил ее!..

Много лет назад он написал книгу, и каким-то непонятным и волшебным образом она сразу стала бестселлером, попала в рейтинги «Таймс», была замечена иностранными критиками и разошлась миллионными тиражами. С этой книги и начался писатель Лорер, и ею, по всей видимости, и закончился бы!.. Литературный агент обвинил его в том, что книгу он украл, быстренько сочинил историю, у кого и каким образом украл, гонорарные миллионы присвоил, а в суде выставил Алекса жуликом и идиотом. Защищаться Алекс не умел и не хотел, и тут бы все и кончилось, если бы...

...Если бы не Маня Поливанова, как будто растолкавшая его после долгой и мучительной спячки!..

Он проснулся, огляделся вокруг, и выяснилось, что жизнь продолжается, что ненависть и страх можно победить, что слова еще не кончились, и их можно писать, ставить друг за другом, и ему *хочется* это делать!

И слава грянула во второй раз, и противник оказался повержен, и он во всем разобрался и, кажется, даже вернулся к себе.

Впрочем, нет, он вернулся не к себе, а к Мане.

Маня была везде и во всем, что его окружало, и ему еще только предстоит стать собой – то есть освободиться теперь от Мани!

Так он решил.

– У нас все прочитали, и все говорят, что вы лучший писатель из всех современных! Ну как хорошо, что я вас встретила!

– Вы хотите... автограф?

– И автограф тоже! – Девушка сунула ему книжку и вдруг засмеялась. – А вы меня не узнаете, да?..

– Да. То есть нет, не узнаю.

Она засмеялась еще звонче.

В это время у него за плечом характерно чавкнул фотоаппарат. Алекс оглянулся – вспышка полыхнула ему в лицо – и зажмурился.

– Фиечка, улыбочку!

– Вот ч-ч-ерт! – Лицо у девушки вдруг стянулось в гримасу, она молниеносно вскинула руку с Алексовой книжкой и загородилась ею, как щитом. – Вот черт, достали уже!..

Алекс ничего не понимал.

Водитель как-то ловко и незаметно влез между ним и человеком с фотоаппаратом.

– Поедьте, Александр Павлович?

– Фия, можно автограф? Распишитесь мне вот здесь! А я всем ребятам покажу!

Рядом щелкнул еще один аппарат, кажется в телефоне, и люди стали притормаживать, коситься и – Алекс видел краем глаза! – полезли за мобильниками.

– Фия, а мне? Мне тоже автограф!

У девушки со странным именем было такое лицо, как будто в безмятежном и теплом море она с разгону вплыла в стаю медуз.

– Я не даю автографов! И не надо меня снимать! Уберите камеру! Кому говорю, ну!..

Вокруг них уже собралась небольшая толпишка, и так как девушка почти кричала, народ все прибывал. Теперь телефоны щелкали со всех сторон.

– Сволочи, какие сволочи!..

Александр Шан-Гирей – писатель Алекс Лорер – искренне считал себя растяпой и разиней, но совершенно точно был человеком наблюдательным!.. И голову мог дать на отсечение, что, если бы девушка не кричала, не металась и не закрывалась руками, сумочкой, книгой и полной коротенькой белой шубейки, ничего бы не было!..

То есть совсем ничего!

– Александр Павлович?..

– Фия, а вы на коньках в следующий раз опять покатитесь? С Федорчуком или с Бурановым?!

– А правда, что вместо вас дублерша снимается?

– Фия, а мне автограф!

– Паш, глянь, это Маша Распутина, да? Или как ее, я забыла!.. Ой, а вы на себя совсем не похожи в телевизоре!..

– Фия, а вы Максима Галкина знаете?

– Фия, распишитесь мне на животе, слабо?!

Девушка все билась, как птица, пойманная в силки, люди тыкали в нее телефонами, бумажками, открытками, фломастерами и газетами, а водитель все теснил и теснил Алекса из толпы, и тогда Фия за него схватилась.

Алекс чуть не упал.

– Бежим! – выпалила она. Глаза у нее были круглые и горели. – Скорей! Надо же, какие сволочи! Теперь не отстанут!..

И они побежали.

Впрочем, бежать было недалеко – до неторопливо крутящихся дверей и на улицу, под отвесный, колышущийся мартовский снег. Водитель с саквояжем поспешал за ними. Люди оглядывались встревоженно, не понимая, почему они так мчатся.

Теперь никому не приходит в голову, что в аэропорту люди бегут, потому что опаздывают!.. Если бегут, значит, опять... беда.

Нужно спастись.

На улице Алекс мгновенно пришел в себя. Девушка со странным именем тряслась мелкой дрожью, вцепившись обеими руками в его локоть.

– У-уф! – выдохнул водитель и покрутил головой. – Вон машина, Александр Павлович. Пойдемте?..

– Подвезите меня, – стуча зубами, попросила девушка. – Вы же видите, что творится! Нет, ну какие сволочи!..

Водитель распахнул заднюю дверь длинной представительской машины – Анна Иосифовна любила все «настоящее» и терпеть не могла «подделок», вот за «настоящими» писателями и ухаживала по-настоящему!

Девушка изящно пробралась внутрь и упала на сиденье, словно в изнеможении.

Алекс переглянулся с водителем, опускавшим в багажник его саквояж, и пожал плечами. Помедлил и сел рядом с ней.

Дверь захлопнулась. «Мерседес» поехал.

– Ну, а вы? – как ни в чем не бывало, спросила девушка. – Дадите мне автограф?

Порывшись в сумочке, достала зеркальце и изучила свое отражение.

– Нет, ну вы подумайте! Я после перелета, без грима, вся никакая, а они все равно лезут! – Она фыркнула и кинула зеркальце обратно. – Ну никакого понятия нету у людей, никакой тактики!..

– Такта, – машинально поправил Алекс.

Девушка не обратила на это никакого внимания.

– А вы меня так и не узнали, да? Да ничего, ничего, я же понимаю! Писатель, мировая знаменитость, и потом, вы же в Европе живете, да?

– Я живу в Москве.

Приятно, конечно, когда тебя почитают знаменитостью, да еще мировой, и мужскому самолюбию льстит очень, но все-таки кто она такая?.. Из-за чего весь сыр-бор? С погоней, папарацци и сценой из кинофильма «Телохранитель»?..

– Третья фабрика, – сказала девушка, откинулась на сиденье и приготовилась наблюдать за его реакцией. – Я Анфия. Корсаков хотел, чтоб была Анфисой, но мне не понравилось, больно просто. А звезда должна быть недоступной, как говорится! Народной, но недоступной! Как Пугачева.

В последнюю секунду Алекс поймал себя за хвост и не спросил: вы Пугачева?..

Впрочем, тебе же объяснили, что она – Анфия. То есть не Пугачева.

Пугачеву зовут не Анфия, это он знал совершенно точно.

Итак, она все объяснила, а он ничего не понял. Как обычно.

– Вы... артистка?

– С третьей фабрики, говорю же! Ну, вот Кыся, Мигель Санчес, Каро, Вован – мы все оттуда.

Они все с фабрики, с некоторой жалостью к себе подумал Алекс, да еще с третьей!.. И что нам это дает?..

– Мной Корсаков занимался, а потом мы поссорились. Я в группе «Барбариски» была, а потом Симона Перегуда выпендриваться против меня начала, и я в сольники пошла! Мы с Вованом в «Достоянии республики» на Первом канале пели «Опустела без тебя земля». Неужели не слышали?!

Алексу показалось, что девушка сейчас затянет «Опустела без тебя земля», дабы напомнить ему, как это было, и, чтобы этого не случилось, он сказал: «Конечно же, теперь вспомнил» – и попросил у нее извинения за то, что не мог вспомнить так долго.

– Нет, ну какие сволочи, да? У вас поклонники такие же сволочи?

Алекс сказал, что его поклонники не сволочи.

– Да ладно! – Фия махнула рукой. – Такого быть не может! И ведь все лезут, лезут, и все им надо знать, понимаете? Где была, с кем спала, что пила и, главное, сколько!.. А я только с самолета! Даже накраситься как следует не успела! А меня нельзя фотографировать, когда я не накрашенная, как говорится!..

Алекс спросил – почему.

Девушка засмеялась, решив, что он пошутил.

– Главное, что мы с вами встретились, – доверительно сообщила она и взяла его под руку. – Я считаю, это судьба. Как говорится, судьба и за речкой найдет.

– На печке, – опять поправил Алекс, и тут позвонила Маня.

Он знал, что Маня – телефон залился особенной трелью, какой заливался только на ее вызов. Он вытащил из кармана нагретую трубку и посмотрел.

«Маня» – было написано в окошечке.

Ему не хотелось с ней разговаривать.

Он должен был позвонить, как только приземлится – так было заведено, так было «по правилам», но Алекс Шан-Гирей недавно решил, что все эти правила не для него.

Он слишком долго жил по правилам, и ему просто необходимо пожить вообще без всяких правил!..

Маня беспокоится о нем, ждет звонка, не понимает, где он и что с ним, и не ответить сейчас – чистое свинство.

Отвечать он не стал.

Фия переждала, пока умолкнут Манины трели, и предложила совершенно естественно:

– У меня завтра аб-со-лют-но пустой день. Я всегда так планирую, ну, чтобы отоспаться после поездки, в себя прийти, перышки почистить! Давайте завтра встретимся?.. Ну, допустим, часов в семь. – Ей даже в голову не могло прийти, что он ей, допустим, откажет! – Только не в центре, да?.. В «Вог» не хочу, в «Трюфеле» обязательно будет Симона, она там всю жизнь обитает, может, к японцам сходим?..

Опять, как и с фабрикой, выходило что-то не то. Алекс, конечно, догадывался, что все это названия модных и прекрасных мест, но не имел о них ни малейшего представления.

То есть решительно никакого.

– Вы наверняка за городом живете, да?..

Алекс признался, что как раз в городе.

– Жалко, – расстроилась Фия. – Можно было бы в «Дом на берегу», это почти на Рублевке, ну, между Рублевкой и Новой Ригой. Там тоже все свои, но, по крайней мере, можно сесть спокойно, лезть никто не будет. Я не-на-ви-жу, когда ко мне лезут со всякими вопросами, автографами! Журналистов тоже ненавижу. И фотографов.

– А зачем вы пошли на сцену?

Она примолкла, посмотрела на него внимательно и сделала некий жест рукой. Рука была ухоженная и очень красивая.

– Чтобы петь.

– Ну, петь можно и дома. По выходным.

Тут она растерялась немного:

– Но... если дома петь, никто не услышит, а если со сцены, все услышат!

– И будут приставать, – подытожил Алекс. – Фотографировать. Лезть с вопросами.

– Да ну вас, – слегка обиделась Фия. – Вы все шутите!.. Так куда мы завтра пойдем? Мне правда очень надо с вами пообщаться!.. Ну... как с писателем, как говорится!

– Я почти ничего в Москве не знаю. – В первый раз в жизни он устыдился, что не может пригласить красавицу в какое-нибудь эдакое место! – Я на самом деле долго жил во Франции...

И Франция ни при чем!.. Его никогда не тянуло на приключения такого рода, и светская жизнь не волновала – но, что поделаешь?.. Он оправдывался и понимал, что оправдывается.

– Тогда пойдем проверенным маршрутом, как говорится! «Вог» или «Трюфель»?

Алекс молча смотрел на нее.

Она ему улыбнулась, почти нежно, почти интимно, совсем не так, как улыбалась только что.

На несколько градусов теплее, подумал Алекс.

По Цельсию или по Фаренгейту, спросила бы Маня Поливанова, если б он сейчас приехал домой и рассказал эту историю.

Все мужики одним миром мазаны, подумала Фия. Ему, верняк, его законная звонила, а он трубу не взял!..

– Значит, «Трюфель», – выдохнула она, – и пусть эта дура Симона удавится!

Нынче модно заводить интеллектуальные связи, а этот Лорер – интеллектуал! Пробу негде ставить! И хорош – волосы длинные, ресницы густые, и непохоже, что наращенные, и щетина... м-м-м... можно коснуться щеки, нежно-нежно, легко-легко, от одного прикосновения небось с ума сойдешь!..

Да еще знаменитость, вон даже в Париже во всех магазинах продают! Не то чтобы Фия таскалась там по книжным, но он был выставлен в витринах, и ей нравилось, что она почти настоящая парижанка – читает то же, что и все, по-русски, конечно, зато «в струе»!

Ну как ловко она его подцепила! И шоу организовала очень ловко, чтобы он сразу же, с первой секунды, понимал, что имеет дело с самой настоящей звездой, а не какой-то там поддельной! Ведь можно было там, в аэропорту, натянуть капюшон, подписать, чего там они просили, да и пропасть с глаз, и никто бы ее не заметил, а она быстро сообразила, что все это – к ее пользе.

Она вообще была сообразительной девушкой.

– Мне на Ленинградский проспект, – распорядилась она и потянулась всем телом, таким же ухоженным, как и руки. – А вы знаете, Алекс, какой ужас случился?..

Алекс знал множество ужасов, которые случились в последнее время, но сказал, что не знает.

– Сережку Балашова застрелили, – сообщила Фия печально. – Позавчера или поза-позавчера, что ли! Мне все девчонки позвонили и как начали рассказывать! Я даже заплакала. Он такой классный парень был, и ведущий самый лучший! Вот, как говорится, все под небом ходим.

– Под Богом, – поправил Алекс.

О том, что Сергей Балашов убит, он не знал.

Они были едва знакомы, но Маня!..

Маня отлично его знала и даже, кажется, звонила как-то его матери, то ли чтоб передать ей подписанную книжку, то ли чтоб пристроить к врачу. Маня вечно всех куда-то пристраивала, хлопотала, «участвовала в жизни».

Алекса это бесило. Он не верил... в святость, а ему казалось, что Маню тянет быть святой.

...Наверняка она уже знает. Знает, страдает, торчит у телефона или, хуже того, дома у этого самого Балашова, предлагает свои услуги, всех утешает, возится с родственниками!..

Вполне возможно, все это было не так, но Алекс хотел прийти в раздражение – и пришел.

Фия продолжала рассказывать что-то о Балашове, и даже голос понизила, и даже придвинулась поближе – для того, конечно же, чтоб водитель не слышал секретов! – когда телефон у него опять зазвонил.

Звонила не Маня, трели были не ее, и на этот звонок он ответил.

– Алекс, душа моя! Все ли у вас в порядке?

– Благодарю вас, Анна Иосифовна! Вашими заботами и молитвами все отлично.

– Как долетели? Вас встретили?

– Все прекрасно.

– Что французы? Готовы вступить с нами в схватку за права на вашу новую книгу?..

Он улыбнулся и посмотрел в окно.

Этот разговор словно возвращал его в прежний мир – издательства, новых книг, особенных, «окололитературных» интересов, о котором он почти забыл в Париже.

И это было приятно.

– Я все расскажу, Анна Иосифовна, как только мы увидимся.

– Но издателя вы не намерены поменять?..

Она как будто пошутила, и он засмеялся, но беспокойство чувствовалось, ох чувствовалось!.. Генеральная директриса издательства «Алфавит» была умна, осторожна и очень расчетлива. При этом она оставалась женщиной, время от времени, очень редко, но все же – нуждающейся в поддержке и утешении.

И Алекс сказал, что никаких перемен в его жизни пока не предвидится.

– Ну и слава богу, – резюмировала Анна Иосифовна таким тоном, словно он сказал нечто абсолютно ожидаемое и ничего не значащее. И в этом тоже было возвращение – он узнавал ее пируэты, заходы, пассы и тихонько радовался им.

– Подробнее мы поговорим при встрече, – сказал он.

– Алекс, душа моя, не смею настаивать, знаю, что вы с самолета, но не могли бы вы подъехать прямо сейчас? У меня... достаточно серьезный и безотлагательный разговор.

Он помолчал.

– Что-то случилось?

– Не знаю, что вам ответить.

Вот таких ее выкрутасов он терпеть не мог!.. Чертова бабка с ее чертовым политесом!..

Алекс глянул на Фию, которая тут же мимолетно ему улыбнулась.

– Анна Иосифовна, что случилось?

– Мы должны обсудить некоторые проблемы, связанные с Мариной Покровской. – То, что она назвала Маню придуманным книжным псевдонимом, могло означать все что угодно – и то, что в ее кабинет кто-то вошел, и то, что она очень сердита или встревожена. – И мне не хотелось бы это откладывать.

– Хорошо, – согласился Алекс, хотя обсуждать сейчас с Анной Иосифовной какие бы то ни было Манины проблемы ему решительно не хотелось. – Я как раз на Ленинградке и могу заехать.

– Дела? – посочувствовала Фия, как только он сунул телефон в карман. – Вот поэтому я всегда и оставляю себе денек, как говорится, чтоб отдохнуть немножко! Всегда нужно отдыхать! Мой психотерапевт говорит, что, если долго не отдыхать, в мозгу образуются такие зоны, через которые уходит вся энергия!

Потенциальная или кинетическая, спросила бы Маня Поливанова, если бы, приехав домой, он рассказал ей всю эту историю.

– Ведь правда хорошо, что мой водитель опоздал? – спросила Фия и коснулась его руки, очень легко, очень нежно. – Мы бы с вами тогда не встретились, я бы уехала, и ничего бы не было!..

– Не было? – переспросил Алекс. Ему по глупости казалось, что ничего и нет!..

– Мы бы не встретились, – повторила она с осторожным нажимом.

Все же слишком давить на него не стоит – писатель, что с него возьмешь!

Ее последней большой любовью – нет, нет, ее недавно научили, что говорить «последней» нельзя, нужно говорить «крайней», чтоб не сглазить! – ее «крайней» любовью был владелец супермаркета «экономкласса», считай, бывшего продуктового рынка. Вот тому надо было конкретно и четко, и еще желательно громко и по-матери, иначе не понимал ни шиша!.. А этот – тонкая натура. И волосы, и ресницы, и щетина... м-м-м... И книжку написал, она в Париже продается!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.